

Татъяна
ТРОНИНА

Роман с куклой

истории
любви

Татьяна Трoнина

Роман с куклой

«ЭКСМО»

2007

Трoнина Т. М.

Роман с куклой / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2007

И все-таки – почему мужчины так любят стерв? Почему клянутся никогда не иметь с ними дела – но снова и снова падают к их ногам? Неужели эта тайна никогда не будет разгадана?.. Писатель Даниил Михайловский два раза был женат – оба раза исключительно неудачно. Так что вступать в новый брак не собирался больше никогда. Но явилась некая Ева, заявила, что хочет выйти за него замуж. И... состоялась свадьба! Все в восторге от новой супруги писателя. Кроме... его бывшей любовницы. Ведь это она их познакомила в надежде на то, что Михайловский, ужаснувшись стервозности Евы, оценит по достоинству ее любовь и преданность. Однако получилось как всегда – стерва покорила Даниила. Но надолго ли? Книга выходила ранее под названием «Стерва: инструкция к применению».

© Трoнина Т. М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна Трoнина

Роман с куклой (Стерва: инструкция к применению)

Истинная любовь, она, как золото, никогда не ржавеет и не окисляется...

А.И. Куприн. «Юнкера»

* * *

Ева не любила мужчин.

Она была вполне нормальной женщиной с вполне традиционными пристрастиями, но мужчин не любила, вот поди ж ты...

Конечно, «не любила» – сильно сказано, поскольку Ева была хорошенькой, и романы в ее жизни случались довольно часто, даже более того – на несколько дней или недель она могла потерять голову и чувствовала то волшебное состояние, которое называется «влюбленностью», но скрытая и устойчивая неприязнь, ожидание подвоха, презрительная ирония к противоположному полу – не исчезали никогда.

Так настороженно относятся к чужакам, нахально заполонившим твой родной город. Так раздражают шумные соседи. Так утомляют дальние родственники, без всякого приглашения приехавшие погостить у тебя на месячишко-другой. Когда только соображения политкорректности и туманного гуманизма сдерживают напор негативных страстей...

Например, Ева никогда не лечилась у врачей-мужчин, но не из соображений стыдливости и не потому, что считала мужчин глупее, – нет, вовсе нет! Просто общаться с женщинами было проще и приятней.

Если Ева попадала на рынок, то подходила к женщине, а не к мужчине-продавцу, и ее не волновала мысль, что мужчина, возможно, из соображений галантности меньше обсчитает хорошенькую покупательницу. К черту галантность! Пусть эта толстая тетка за прилавком жульничает, Ева простит своей сестре этот мелкий грех...

Ева никогда не высказывалась открыто: «Все мужики – сволочи!», потому что это было бы слишком примитивно, некрасиво и свойственно скорее той самой толстой тетке за прилавком, чем ей, хорошенькой женщине. Эта фраза звучала банально, как заголовок пустого сериала для домохозяек... Но если бы Еву попросили рассказать о своей нелюбви – о, она бы со свирепым и радостным удовольствием пустилась бы перечислять грехи и недостатки противоположного пола.

(Кстати, сразу стоит упомянуть – многие считали Еву стервой, даже ее подруги. Многие были уверены, что ее раздражают все люди без исключения, но это не так. Женщинам Ева прощала глупость и ошибки, мужчинам – никогда.)

Ее нелюбовь имела градации и возрастные рамки. Во-первых, дети. (Маленькие мальчики всегда бестолковей, чем маленькие девочки, – научный факт, между прочим.) К маленьким мальчикам Ева была безразлична. Она ничего к ним не испытывала – ни раздражения, ни ненависти. Просто – ни-че-го. А вот девочки – такие славные, милые куколки, их можно наряжать и причесывать, с ними можно болтать о всяких забавных пустяках... Ева безусловно обожала девочек, этих маленьких принцесс. Если бы она вдруг собралась завести ребенка, то мечтала бы только о девочке.

Во-вторых, юноши. Такое впечатление, что мозгов с возрастом у них не прибавилось, а даже наоборот... Дикие, очень дикие существа. Пьют пиво, разрисовывают стены, гогочут лужеными глотками, приводят в отчаяние педагогов и несчастных родителей. А те юноши, которые сидят над учебниками и смотрят на мир сквозь толстые линзы очков, вообще очень подозрительны. Ева была уверена, что в головах именно таких «ботаников» и творятся самые ужасные вещи. Именно из них вырастают Оппенгеймеры, бессознательно жаждущие разрушить мир с помощью очередной атомной бомбы...

В-третьих, мужчины. Ну, тут немного сложнее... Но не потому, что они какие-то особые. Сложнее потому, что Ева не всегда могла обойтись без них. Она нормальная женщина! Хорошенькая женщина, в конце концов... Мужчина, который рядом, – это вечная борьба компромиссов. Сколько можно его терпеть возле себя, а сколько – уже непозволительная роскошь? Откровенных бабников Ева на дух не выносила, не позволяя им даже приблизиться к себе, она даже как будто ощущала козлий запах, исходящий от них. А скромные тихони, стремящиеся создать семейный очаг, вызывали у Евы боязнь и желание удрать от них как можно дальше. Они были опасны, поскольку покушались на самое святое – на ее свободу.

В-четвертых, пожилые мужчины. Тут уж, казалось, можно было проявить снисхождение, но Ева слишком хорошо знала, что даже возраст не может оправдать их мерзких поступков. Она, как хорошенькая женщина, столько раз страдала от покушений старых сатиров! Другие стариканы, наоборот, ненавидели хорошеньких женщин (наверное, по принципу – «зелен виноград!»). Знали, что им ничего не обломится, и потому шли по жизни как танки, не замечая, что давят чужие ноги. Чугунные животы, каменные плечи, глаза из серого гранита... Сколько раз такие толкали Еву (и в самом буквальном смысле слова), сколько гадостей говорили!

Совсем старики – тоже попадались разные. Ведь старость (как и младенчество) словно лишает человека пола, он, человек, в старости становится мягким и неопасным и, свободный от голоса плоти, начинает думать о вечном... Но и то не всегда.

Итак, Ева не любила мужчин.

Ситуация была такова: накануне того дня, когда ей исполнялось тридцать три года, Ева поссорилась с Вадимом, с которым встречалась уже полгода (невиданно долгий срок), запретила некоему Илье Гамову звонить себе (поскольку телефонный роман после разрыва с Вадимом грозился принять более осязаемые формы – Гамов был очень настойчивым субъектом), а Николаю Николаевичу в угрожающе резкой форме заявила, что если он не прекратит ее преследовать, то она все расскажет его жене.

Словом, Ева на данный момент была свободна от мужчин – и очень этому радовалась. Некий отпуск для души...

На свой день рождения она пригласила только Шуру Лопаткину, которую знала чуть ли не с детского сада. Больше никого не хотела видеть.

Вечером, накануне, Ева отправилась в ближайший супермаркет за покупками, поскольку весь завтрашний день она собиралась провести в блаженной лени и абсолютном покое. Шурочка любила вкусно поесть, и Ева снисходительно относилась к этой слабости своей подруги.

Супермаркеты Ева предпочитала всем остальным формам торговли – в них необязательно было с кем-либо общаться. Навалила в тележку коробок и банок, переложила их на транспортер перед кассой, молча рассчиталась с кассиршей... Работают эти супермаркеты почти круглосуточно – приходи поздно вечером, когда практически нет посетителей, и ходи вдоль полок, сколько твоей душе угодно.

Ева положила в свою тележку пончики с ванильным кремом (для Шурки), мидии в томатном соусе (для себя, Шурку от них почему-то рвет), полусладкое шампанское (то бишь игристое вино, как теперь принято говорить) – для обеих, готовые нарезки колбас и сыра. У вит-

рины с морожеными курами Ева остановилась, задумавшись. Если курица, то, стало быть, ее придется готовить...

Зеркальная витрина отражала Еву.

Очень невысокая блондинка а-ля Мэрилин, в небесно-голубом платье. Сорок шесть килограммов чистой красоты.

Ева повертела головой, невольно любуясь сережками, которые купила недавно. Сапфиры удивительно сочетаются с платьем и глазами – не голубыми (это было бы уже слишком, пошло даже), а ярко-серыми.

– Красавица!.. – произнес рядом восхищенный мужской голос. Даже еще не увидев того, кто эти слова произнес, Ева уже точно знала – это очень недалекий, малообразованный и вряд ли симпатичный представитель сильного пола. Иногда бывает достаточно только голос услышать, чтобы разобраться во всем.

Она чуть-чуть скосила глаза в сторону – так и есть, рядом стоял мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, небритый, с глубокими залысинами, в потертом пиджаке из коричневой замши. В тележке его лежала бутылка самой дешевой водки и один-единственный сырок «Дружба». Иногда и голоса можно не слушать, достаточно заглянуть в тележку с покупками. Ева его видела насквозь – бывший мачо советского разлива. Когда-то блистал, мороча головы наивным дурочкам, приехавшим в Москву из ближнего зарубежья, теперь вышел в тираж, но пока еще не осознал этого. Злостный неплательщик алиментов, скорее всего.

Ева отвернулась и молча пошла вдоль полок. Она благородно давала этому типу шанс – пусть отстанет сам.

– Меня Жора зовут, а вас? – Тип и не думал отставать.

– Что тебе надо, Жора? – голосом Снежной королевы спросила Ева.

– Познакомиться хочу! – с наивной искренностью признался тот. – Я таких красивых только в телевизоре видел.

– А я не хочу с тобой знакомиться, – с угрозой произнесла Ева и мысленно фыркнула: «В телевизоре!»

Нахал с залысинами трусил рядом, умильно улыбался, показывая ряд золотых зубов.

– Почему? Ну почему, девушка, а?

Ева медленно остановилась, посмотрела ему прямо в глаза. Она никогда ничего не боялась, наоборот, всегда чувствовала справедливый гнев, когда ей приходилось давать отпор таким вот типам. Вероятно, нечто подобное ощущал Александр Невский, когда гнал тевтонов по льду Чудского озера...

– Потому что ты урод, – произнесла она с таким выражением, что у самой мурашки по спине побежали.

От неожиданности бывший мачо оцепенел.

– Ты на себя когда-нибудь смотрел со стороны? – мрачно сузив глаза, продолжила Ева свое наступление. – Ты хоть на какую-то самооценку способен?..

– Я не понимаю... – отшатнувшись, обидчиво заблеял тот.

– Есть люди, у которых на лице написано, что они прожили совершенно пустую, бездарную жизнь. Что они не совершили ни одного хорошего поступка, только пакости... – Ева сознательно не говорила то, что было принято говорить в таких ситуациях, например: «Отстань, дурак, я сейчас милицию позову». Она любила нестандартные фразы, ведь именно такие задевали собеседника больше всего. – Ты – глупый и никчемный, не смей подходить к порядочным женщинам, иди на вокзал и там ищи себе подружек. Разве ты не понял, что жизнь твоя прошла, и прошла зря?..

– Ах ты...

– Ну что – «я»? Что «я»? С чего ты решил, что мне понравятся твои сомнительные комплименты?..

Тип попятился назад, таща за собой тележку. Глаза его были широко раскрыты, в них уже плескалась жгучая, нестерпимая ненависть. Вот так всегда – стоит таким людям понять, что им способны дать отпор, они бросаются в другую крайность.

– Жалкий пьянчужка, – мрачно добила его Ева.

– А ты... а ты... – От ненависти тип стал задыхаться.

– Ну что «я», убогий ты человек?.. – сурово усмехнулась она.

– А ты – СТЕРВА! – выкрикнул тот и убежал, скрывшись за рядами полок.

Ева укоризненно покачала головой и пошла дальше. «Нет, курицу не буду брать, возни с ней... Так, а тут у нас что? «Картофельная запеканка с мясом». Выглядит аппетитно на картинке... И возни никакой, всего-то в микроволновке разогреть!»

Ева положила в тележку еще и торт с яркой надписью по всему боку – «низкокалорийный». «Ладно, Шурке раз в году можно... Ну и мне тоже», – удовлетворенно решила она.

Шурочку Лопаткину она очень любила – наподобие того, как суровая мать любит свое единственное дитя. То есть спуска ей не давала, но если кто-нибудь, не дай бог, вздумает Шурочку обидеть – она, Ева, тому горло перегрызет!

– Стерва, гм... – презрительно пробормотала Ева. – Я ему глаза, можно сказать, открыла, а он меня стервой назвал!

Ева уже пробиравась к кассам, как вдруг, у книжных полок, которые располагались напротив веников, щеток, поролоновых губок для мытья посуды и пластмассовых ведер, увидела вывеску:

«Сегодня, в 21.00, по всей Москве начата продажа нового романа Даниила Михайловского «Спальня императрицы». Не пропустите!»

У Евы даже дух захватило. Новый роман Михайловского! Она не пропустила ни одного, прочитала все двадцать четыре предыдущих... «Господи, ну да, я сама недавно в газете читала, что скоро выйдет его новая книжка... Это прямо подарок судьбы, подарок к моему дню рождения!»

Ева решительно двинулась к книжным полкам, цапнула увесистый том в пестрой обложке.

Надо сказать, что Ева не была одной из тех пожирательниц легкого чтения, которых в последнее время развелось немало благодаря оборотистости некоторых писателей. Нет, Ева, строга к себе и к окружающим, очень строго относилась и к искусству. Дамские романы она не читала, криминальные – только выборочно, любила во всем классику и могла под настроение даже Достоевского перечитать, чем очень угнетала Шурочку Лопаткину, которая жила только одними ироническими детективами.

Михайловский стоял особняком. Он, собственно, и не писателем был вовсе, а историком. Его исторические романы пользовались бешеной популярностью. Критики разделились на два лагеря – одни считали его сугубо коммерческим автором, умеющим ловко стряпать занимательные сюжеты, а другие утверждали, что Михайловский – это талант, возродивший интерес публики к отечественной истории. Впрочем, сам Михайловский в одном-единственном интервью, которое он дал только одной газете, скромно просил называть себя «беллетристом».

Есть некая тайна в том, как слова складываются в текст, как текут свободным повествованием, увлекая за собой читателя, как заставляют забыть обо всем на свете... Не все книги – такие, не каждому литератору удастся владеть этой магией.

Но Михайловский был одним из тех, кто мог удержать внимание избалованной столичной публики. Он умел преподать историю так, что она превращалась в детектив и в любовный роман – одновременно. В трагедию и фарс. Его книги отличали простота и глубина. Одинокому человеку они могли заменить собеседника, любителю выпить – бутылку вина.

Ева обожала романы Даниила Михайловского, каждая его новая книга была для нее маленьким праздником.

Вот и сейчас она уткнулась в аннотацию на оборотной стороне книги.

– «История жизни Екатерины Великой – ее свершения на троне и тайны личной жизни... – забормотала Ева вслух. – ...новое изложение уже известным читателю фактов и сенсационные предположения...» Потрясающе!

Ева была уже в курсе свершений Петра I, Ивана Грозного и многих других государей. Хорошо знала о монголо-татарском иге и подвигах Александра Невского. О реформах Александра II и фрейлине Долгорукой. Жизнь Григория Распутина знала назубок, словно был тот ее близким родственником, не так давно прибывшим из деревни в город. Благодаря Михайловскому у нее совершенно изменилось мнение о лейтенанте Шмидте. Она заворуженно, со страхом и содроганием, наблюдала за жизнью кровавых советских диктаторов...

Словом, Ева прекрасно разбиралась в отечественной истории – именно благодаря Михайловскому (то, что она учила в школе и в институте, давно и благополучно выветрилось из ее головы).

Правда, и стоил новый труд Даниила Михайловского недешево – это Ева осознала, уже расплачиваясь у кассы... Но на Михайловского ей денег было не жалко.

Она вышла из супермаркета, когда было уже совсем темно.

Неоновыми разноцветными огнями горела улица. Был тот самый августовский вечер, когда почти каждый прохожий начинает сожалеть об ускользающем лете и со смиренной грустью вспоминает о близкой осени.

Тепло и тихо, насколько тихо может быть в большом городе...

До дома Евы – рукой подать.

Впереди шла пара – он и она. Судя по походке и виду – довольно пожилые люди. Шли медленно, вдумчиво, держась за руки.

«Точно дети...» – мелькнуло у Евы в голове. Она очень уважала вот такие семейные пары. Про себя она точно знала, что: а) хорошего мужа она не найдет, ибо они – большая редкость в природе, б) даже если она найдет хорошего мужа, то он от нее быстренько сбежит, поскольку у нее скверный характер, терпеть который в течение долгих лет вряд ли согласится даже самый идеальный мужчина, в) и зачем ей хороший муж, если свободу и спокойствие она предпочитает больше всего?..

И тут-то Еву озарила новая мысль, за которую она себя впоследствии не раз пилила, та самая мысль, которая перевернула всю ее дальнейшую жизнь.

Мысль была такая: «Собственно, а кто просит меня жить с кем-то до гробовой доски? Я могу просто сходить замуж. Ненадолго. Для того «чтобы было»...

Утром следующего дня Ева собралась принимать поздравления от своих родственников и знакомых, но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы в ее планы. Проще говоря – эти глупые мужчины опять все испортили.

Позвонил Вадим и заныл:

– Ева, любовь моя, прости...

– Бог простит! – злорадно ответила она.

– Ты не поняла, это было просто недоразумение...

– Ага, недоразумение – я собственными глазами видела, как ты хватал эту лошадь в очках за бока!

– Но это смешно! – возмутился Вадим. – Подумаешь, обнял девушку! Я же не спал с ней, в конце концов...

– Еще чего не хватало!

– Так в чем же дело? – душераздирающе вздохнул тот.

– Вадик, надо уметь вовремя прекращать отношения, – холодно произнесла Ева. – Я не хочу быть униженной, а ты бы меня унижил рано или поздно, я это знаю. Я, Вадик, очень уважаю себя...

– Ева!

Она помолчала, стиснув зубы.

– Какой же ты дурак, Вадик, – наконец почти ласково сказала она. – Ведь я в сто раз красивее этой лошади в очках и в сто раз умнее. Я это говорю не потому, что у меня раздутое самомнение, а таковы факты. Есть некрасивые, но очень милые женщины... А то чувело, что ты при всех обнимал на вечеринке, – даже и не женщина вовсе!

– Как – не женщина? – испугался Вадим.

– А вот так! Я же сказала – это была лошадь в очках! – заорала Ева и бросила трубку.

Телефон зазвонил снова.

– Ева? Ева, это я, Илья... – зашептал ей в ухо Гамов. – Поздравляю тебя с днем рождения, Ева! Мне сказали, что ты рассталась с этим мерзавцем... Мы должны сегодня встретиться, Ева!

– Как же, разбежался... – фыркнула она и снова бросила трубку. Гамов пугал ее своей настойчивостью. Если и дальше продолжать с ним отношения, то он, пожалуй, не отстанет от нее до конца жизни. Теоретически Ева, как уже упоминалось, со вчерашнего дня была не прочь сходить замуж, но Гамов имел несколько существенных недостатков. Во-первых, он наотрез отказывался сбрить свою бородку, делавшую его похожим на геолога. Во-вторых, у него была слишком многочисленная родня. Мама, бабушка – очень бодрая и деятельная пожилая дама, две младших сестры, смуглая и усатая племянница из Баку, которая вот уже который год искала себе жениха (почему-то именно в Москве), целых три незамужних тетки в Иванове, которые чуть ли не каждый квартал делали набег на столицу... В общем, Гамов в мужья категорически не годился, даже на короткое время.

Телефон зазвонил снова.

– Ева Борисовна Полякова? – прошелестел вкрадчивый женский голос.

– Да, она самая. А вы кто?

– Я жена. Жена Николая Николаевича. В последнее время до меня стали доходить слухи...

– Все неправда! – мрачно воскликнула Ева и в третий раз бросила трубку. Потом подумала и выдернула шнур из розетки. Еще подумала и отключила свой сотовый.

Потом достала из шифоньера ярко-алое бархатное платье. Ева прекрасно понимала, что такое платье вовсе не годится для скромных домашних посиделок, но подобные глупости вроде этикета и правил хорошего тона ее волновали мало. Кто сможет запретить ей в собственный день рождения надеть алое платье из бархата и накрасить губы ярко-красной помадой, чтобы напоминать танцовщицу из Мулен-Руж!

И, чтобы довершить превращение, она вдела в уши старинные серьги с огромными рубинами, которые ей подарил когда-то один поклонник (слава богу, после расставания не стал требовать их обратно, широкой души мужчина оказался!).

В семь часов в дверь позвонили. Поскольку Шура обещала прийти в семь (а Шура Лопаткина была исключительно пунктуальной особой), то Ева, не раздумывая, распахнула дверь.

На пороге действительно стояла ее лучшая подруга Шура, но не одна. Рядом с Шурой была еще какая-то женщина.

– Ева, дорогая, с днем рождения тебя! – залепетала Шура несколько смущенно и ткнула в подругу гладиолусами. – Я тебе не могла дозвониться...

– Ну правильно, я все телефоны отключила! – кивнула Ева, разглядывая стоящую рядом с Шурой незнакомку. – А ты с кем это?

– Господи, прости... Я же говорила – я хотела тебя предупредить! Это Ива, дочь маминой старинной знакомой! У Ивы ремонт, еще сломалась машина, а у нас, ты знаешь, тесно, и мы решили, то есть я решила...

– Господи, да заходите же! – любезно улыбаясь, Ева пропустила их в прихожую. Когда Шура проходила мимо, Ева весьма чувствительно ее ущипнула («нечего чужих с собой при-

водить!»). Шура едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть, побледнела, потом покраснела, и на глазах ее выступили слезы.

– Может быть, я зря пришла? У тебя день рождения, а я нахально явилась... – извиняющимся голосом начала Ива, незваная гостья. – Но Шура так настаивала...

– Ничего-ничего! – все так же любезно улыбнулась Ева. – Все в порядке! Я очень рада. Прошу...

Ива подарила Еве коробку конфет и бутылку коньяка, но это ничуть не растрогало хозяйку дома.

– Шура, помоги накрыть на стол... Ах, Ива, а ты сиди, мы сами справимся!

На кухне Ева сердито спросила подругу:

– Что ты себе позволяешь, Лопаткина! Я, между прочим, тебя одну приглашала!

– А щипаться-то зачем... – грустно вздохнула Шура и вытерла ладошками уголки глаз. – Я же говорю – это дочь маминой старинной знакомой, у нее ремонт, а машина сломалась...

– Ничего не поняла! Какой ремонт, какая машина?..

– Ива живет на даче, под Москвой, – ожесточенным шепотом принялась объяснять Шура. – А в московской квартире у нее ремонт, а ремонт – это, сама знаешь, стихийное бедствие!.. В зоне стихийного бедствия находиться нельзя... Ива с мамой поехали к моей маме, но у нас ночевать негде, одна только Ивина мама помещается. Вот и пришлось мне Иву взять с собой!

– Так почему же они на дачу не вернулись?

– Потому что машина у них сломалась, завтра только из ремонта смогут взять! А ты, Ева, очень вредная, у меня теперь синяк будет...

– Ладно, прости. Прости меня, я сказала! – сурово сказала Ева. – В общем, ничего страшного. Посидим втроем, все веселее...

Шура моментально оттаяла. Она была доброй, веселой и незлопамятной, в отличие от Евы. Даже внешне они составляли контраст: Шура была полной, с темными выющимися волосами, желтовато-смуглым веснушчатым личиком, напоминающим кукушечье яйцо... Работала Шура в одном из московских офисов, где персонал заставляли ходить исключительно в деловой одежде и даже брюки носить запрещали. Шура страдала – ей на редкость не шел офисный стиль – приталенные пиджаки, прямые юбки определенной длины, блузы и туфли-«лодочки», а также то, что непослушные волосы ее приходилось укладывать в строгую прическу. Шуре хорошо было в кружевах, рюшах и легких тканях в цветочек, она обожала свободные шлепанцы без каблучков и когда в волосах нет ни одной заколки. В таком домашне-дачно-пляжном виде она выглядела сентиментально и трогательно.

– А почему у нее такое странное имя? – с любопытством спросила Ева.

– У кого, у Ивы?.. А, ну так полное ее имя – Иветта!

– Какой ужас! – фыркнула Ева и засмеялась. – Ладно, неси вот эти тарелки.

– Ева, а это что? Это твои любимые мидии? Ох, пожалуйста, неси их сама, я не могу на них смотреть, а уж если я их случайно понюхаю...

– Тогда неси торт!

В общем, Ева легко смирилась с присутствием в своем доме Ивы. Вот если бы Шурочка вздумала привести Стасика... Стасик был гражданским мужем Шурочки, и Ева его ненавидела. При каждой возможности она советовала подруге бросить «это ничтожество». Правда, главной причины, по которой Шура должна была это сделать, Ева не называла. А дело было в том, что этот самый Стасик однажды встретил Еву у ее дома, один, нагло навязывался в гости, нахально распускал руки (ну это ладно, глупо ждать от мужчин верности) и, что самое-то подлое – плохо говорил о Шурочке. «И за что ты так моего Стасика не любишь?..» – не раз сокрушалась Шура, которой Ева не стала об этом позорном случае рассказывать.

Когда они вошли в комнату, Ива стояла возле стеклянной витрины.

– Господи, Ева, какая прелесть! Я не сразу заметила... Это твое?

За стеклом располагались фарфоровые куклы – с живыми лицами, чудесными волосами, в дивных атласно-шифоновых платьях, шляпках, туфельках, ничем не отличающихся от настоящих – правда, намного меньше...

– Я забыла тебя предупредить, Ива: Ева сама делает этих кукол! – улыбаясь, сказала Шура. – Красиво, да? Авторские работы... И стоят безумных денег, между прочим.

– Очень красиво... – восхищенно пробормотала Ива, уткнувшись носом в стекло. – Как живые! Я такие на выставках видела, но не думала, что когда-нибудь встречу с человеком, который эту красоту создает...

– Стоят они действительно дорого – потому что изначально на эту красоту уйму денег приходится тратить. Оборудование, инструменты, специальная глина – личики и ручки с ножками у кукол фарфоровые, я их выпекаю в специальной печке, словно пироги. Лаки, краски, с глазами сколько намучаешься, чтобы они выглядели живыми... Волосы тоже настоящие, человеческие – я их покупаю в пастижерных мастерских. Ткани стоят безумно дорого... И все такое прочее, – небрежно пояснила Ева. Она уже привыкла к тому, что ее профессия почему-то вызывает бурные эмоции у окружающих.

– Нет, это невероятно... – бормотала Ива, прилипнув к стеклу. – Чудесно! Может, мне тоже этим заняться? И что, хорошо они продаются?

– Очень! – радостно закивала головой Шура, отчего кудряшки на ее голове запрыгали. – У Евы есть свои клиенты, и вообще, желающих полно – новые русские приобретают таких кукол для своих детей, некоторые собирают коллекции, вполне взрослые тетеньки и даже дяденьки... Американка вон одна каждый год к Еве приезжает, покупает новых кукол, у этой американки в Нью-Йорке своя галерея!

Пока Шура щебетала, Ева пристально разглядывала Иву.

Непонятно почему, но гостя вызвала у Евы какое-то странное чувство... Неприязнь? С первого взгляда?

Ива-Иветта была примерно ее возраста, то есть – лет тридцати с небольшим, невысокая, худенькая. Темно-русые вьющиеся (если это «химия», то чрезвычайно неудачная с эстетической точки зрения!) волосы были коротко подстрижены и аккуратно причесаны – даже слишком аккуратно, напоминая о тех фотографиях, которые когда-то, лет двадцать назад, висели в фойе парикмахерских. И огромные карие глаза. Когда Ива чему-то удивлялась, то ее глаза становились еще больше, отчего девушка выглядела нелепо и даже смешно. Выходит, не всем идут такие большие глаза!

Худоба у Ивы была тоже особого свойства. Вот про нее, Еву, никто бы не сказал, что она слишком худая (хотя – сорок шесть килограммов, и ни граммом больше!), потому что все, что полагается иметь хорошенькой женщине, у Евы было.

Ива же выглядела плоской и бесформенной. Плечи, талия и бедра у нее сливались в одну прямую линию, и тонкие ноги тоже были абсолютно прямыми, словно макароны: ни икры, ни щиколотки никак не выделялись. Широкие запястья, из-за которых и руки выглядели тоже прямыми...

И одета Ива, с точки зрения Евы, была не вполне удачно: прямая темная юбка до колен, белая блузка со стоячим воротничком (такие воротнички при короткой шее противопоказаны – у Ивы была именно такая), туфли с длинными тупыми носами на плоском каблуке. А чего стоили эти большие круглые перламутровые клипсы в ушах!

«Вот ведь как странно... – машинально подумала Ева. – Вроде не уродка, а выглядит как-то странно! Даже плюшка Шурочка на ее фоне – цветущий розан. Кто бы объяснил этой Иве, как ее недостатки превратить в достоинства...»

– Ну-с, прошу к столу! Ива, ты любишь мидии?

– Я вас умоляю, девочки... – сморщив нос, замахала руками Шура.

– Нет, давайте начнем с шампанского. Ева, хочешь, я открою?

– Конечно, Ива, конечно.

– Прислушайтесь – Ева, Ива... У вас практически одинаковые имена!

Через некоторое время, выпив шампанского, они болтали уже как старые друзья. Ива перестала казаться Еве странной, и она, на правах доброй подруги, стараясь быть максимально деликатной, принялась объяснять ей, как надо правильно выглядеть.

– ...Ты считаешь, мне не идут эти клипсы? – улыбнулась Ива смущенно и стянула клипсы с ушей.

– Молодец! – обрадовалась Ева и вынула из ушей свои рубиновые сережки – как образец. – Вот такие примерь!

– Да, лучше, определенно лучше! – согласилась Шура. – Тебе очень хорошо, Ива!

Потом шампанское кончилось, и они, возбужденные и веселые, решили прикончить бутылку коньяка, которую принесла гостя.

Ива рассказала о своей даче в Лапутинках. Шура – как они со Стасиком в прошлом году делали ремонт.

– Шурка, ты должна бросить это ничтожество! – по привычке воскликнула Ева. – Ты достойна лучшего.

– Ева, я не понимаю, чем тебе Стасик так не угодил...

Ева вспомнила, как она два года назад ездила в подмосковный дом отдыха, как в нее там до смерти влюбился один «бизнесме-э-эн» и как допекал ее своей любовью, обещая горы золота. Ива очень смеялась, а потом тоже рассказала, как у нее в юности был роман с одним мальчиком, а потом он постригся налысо, и она его разлюбила.

– Ой, у Евы тоже был безумный роман в юности! – едва не поперхнулась от смеха Шура. – С Иванько... Ева, помнишь Ярослава Иванько?

– Отстань, Шурка, – сквозь зубы произнесла Ева.

– Нет, это надо рассказать – Ярослав был очень красивым юношей, и Ева...

Ева безжалостно ущипнула Шурочку, и та замолчала на полуслове, моргая блестящими от слез глазами.

Ива неуверенно засмеялась, глядя на них, и заерзала на диване. Из-под диванной подушки на пол шмякнулся пухлый том.

Ива нагнулась и подняла книгу.

– О, новая книга Михайловского...

– Ева его обожает! – мстительно шмыгнула носом Шурочка и опасно покосилась на свою подругу. Но Ева уже сменила гнев на милость:

– Да, я обожаю Михайловского... А тебе он как, Ива?

– Ну, как сказать... – неопределенно протянула та.

– Нет, он гений! Я его всего прочитала, а некоторые книги даже перечитала несколько раз, особенно об Иване Грозном и Распутине... Так хорошо, так интересно! Да, девочки, знаете, о чем я вчера подумала? – оживилась Ева. – Ты, Шурка, разливай коньяк...

– Кончился коньяк, – огорченно произнесла Шура, подняв пустую бутылку, а потом зачем-то одним глазом заглянула внутрь.

– О том, что надо бы мне сходить замуж, – торжественно произнесла Ева. – Погодите, девочки, у меня где-то сливовый ликер был...

Когда она вернулась, Шура с Ивой бурно обсуждали тему замужества. И Ива, и Шура официально никогда в браке не состояли – как и хозяйка дома.

– Так что ты нам хотела рассказать, Ева? – мягко напомнила Ива.

– О том, что мне непременно надо сходить замуж!

– Что значит – «сходить замуж»? – с недоумением спросила Шура. – Ты хотела сказать – «выйти замуж»?..

– Нет, именно сходить замуж! Хотя бы один раз. Так, где ваши бокалы?.. Только есть одна проблема.

– Какая же?

– Так не за кого! Ни одной приличной кандидатуры!

– А Вадик?

– Шура, я тебя умоляю, больше никогда не напоминай мне о Вадике! – с раздражением закричала Ева. – Никогда!!!

– Ладно, ладно, только ты не ори...

– ...а сейчас я вот еще что хочу сказать – если бы я и вышла замуж, то только за Даниила Михайловского! – торжественно заявила Ева.

– Вот за него? – указала Шура на книгу.

– Именно. За него! Выпьем за моего обожаемого автора...

– Выпьем! – как-то странно улыбаясь, произнесла Ива и подняла бокал.

– Ты серьезно? Про Михайловского? – неуверенно спросила Шура.

– Представь себе! – отчеканила Ева. – Я так его люблю, что готова, не глядя, выйти за него замуж.

– А... а сколько ему лет?

– Не знаю. Честно говоря, мне все равно, сколько ему лет и как он выглядит.

Дело было в том, что Даниил Михайловский принадлежал к той редкой породе звезд, не участвовавших в многочисленных ток-шоу, на которых приглашенные учили жизни телевизионную публику, и не давал интервью (кроме того единственного, несколько лет назад – да и то в нем Михайловский о себе ничего существенного не поведал!). И вообще, никто ничего о нем не знал.

Некоторые даже утверждали, что историка-беллетриста Михайловского и не существует в природе, а есть бригада безработных интеллектуалов-беженцев из Таджикистана, которые именно таким образом зарабатывают себе на жизнь...

– А если он женат? – вздохнула Шура.

– Ну, тогда этот вариант отпадает. Терпеть не могу женатых мужиков, которые бросают свои семьи. Предал одну, предаст и другую!

Ива, держа в пальцах вилку с насаженной на нее оливкой, с интересом слушала диалог подруг, и все та же странная улыбка продолжала играть на ее губах.

– Ева... – вклинилась она в беседу. – А если Михайловский свободен, ты уверена, что способна настолько очаровать его, что он будет готов... готов повести тебя под венец?

Ева свирепо захохотала:

– Конечно! Передо мной никто не устоит, я тебя уверяю... Никто! – Сбросив туфельки, она вскочила на стул и запела в пустой бокал, точно в микрофон, ту песенку, которую когда-то пела Мэрилин Монро президенту Кеннеди, поздравляя его с днем рождения, – с теми же придыханиями и с той же, известной всему миру ленивой грацией. А потом послала окружающим воздушный поцелуй – точь-в-точь как на тех, известных всему миру старых кадрах.

– С ума сойти... – растерянно улыбнулась Ива.

– Все, Еве больше не наливать! – забеспокоилась Шурочка. – Ева, ты сядь, а то, не дай бог, упадешь...

– Пари? – вдруг произнесла Ива.

– Что?..

– Я тебя спрашиваю – пари? – глядя на Еву огромными блестящими глазами, повторила гостья настойчиво.

– В каком смысле?.. – Ева спрыгнула со стула.

– Я тебя знакомя с Михайловским, и ты его охмуряешь. Но если он на тебе не женится, ты проиграла. На что будем спорить?

– Ива, ты знакома с Михайловским? – удивилась Шура.

– Да. Ну как, Ева, ты согласна?

Еве на миг стало жутко – она никак не ожидала, что ее мечта, точно по мановению волшебной палочки, вдруг начнет воплощаться в реальность. Несколько мгновений она медлила, а потом произнесла:

– Согласна. Только я не знаю, на что будем спорить.

– А тут и думать нечего! – весело сказала Ива. – На эти сережки... А если я проиграю, то отдам тебе рубиновый крестик, который у меня есть дома. Тоже, между прочим, старинной работы... Так что в любом случае у кого-то из нас двоих будет замечательный комплект.

– Гениально! – потрясенно выдохнула Ева. Гостья казалась ей уже интересной и веселой женщиной, без каких-либо недостатков.

– Я не понимаю... – заерзала беспокойно Шурочка, залпом допила ликер и, не глядя, тыкнула вилок в одну из тарелок. – Вы это серьезно? Девочки, вы серьезно, а? – Она отправила вилку в рот.

– Шурка, ты только что съела мидию, – машинально произнесла Ева.

– Что? Ой, мамочки!.. – Шура, зажав рот, выбежала из-за стола.

– Михайловский – мой сосед по даче, – сказала Ива, глядя Еве прямо в глаза. – Я его сто лет знаю.

– Он какой? Старый, молодой? Как он выглядит? – шепотом спросила Ева. – Ива, расскажи о нем, пожалуйста!

– Э-э, нет! – улыбнулась та. – Ты же сама сказала, что тебе все равно, как он выглядит и сколько ему лет... Хочешь нарушить чистоту эксперимента?

– Ну ладно, ладно... – забормотала Ева. – Наверное, все-таки он старый! Написал столько книжек... Столько книжек лет сорок надо писать! Впрочем, мне все равно – нормальных молодых мужчин сейчас нет...

Она разлила по рюмкам оставшийся ликер.

– За Даниила Михайловского.

– За Даниила Михайловского!

Ева с трудом открыла глаза. С трудом – потому что накануне вечером она забыла смыть тушь с ресниц и теперь они слиплись.

– Господи, как голова болит... – Она приподнялась на локте и обнаружила, что лежит на диване, все в том же ярко-алом бархатном платье, только теперь безнадежно мятом. Провела рукой по волосам, сняла с них остатки уже подсохшего крема с низкокалорийного торта. – Что же вчера такое было, а?!

В комнату вошла Шурочка.

– Проснулась? – кисло спросила она. – А я по твоей милости всю ночь не спала. Эти мидии...

– Шура, что вчера было?

– Ничего особенного, – пожала та плечами. – Обычный девичник.

– А почему у меня в волосах торт?

– Откуда я знаю! – кисло огрызнулась Шура.

– Шура, а эта... а Ива где?

– Ива уже уехала. Позвонила в автосервис, и ей сказали, что машина готова, – она быстро собралась и ушла.

Ева выковырнула из волос несколько засохших цукатов, разложила их перед собой на коленях.

– Слушай, а правда говорят, что сейчас вместо фруктов засахаривают морковь?

– Вполне возможно, – вздохнула Шура и села рядом с подругой на диван. – Фрукты из моркови, крем из маргарина, красители, вкус, идентичный натуральному... Кстати, мы вчера вполне могли ограничиться шампанским, зачем нам понадобился коньяк, а потом еще этот твой якобы сливовый ликер – я не понимаю.

– У Чехова есть одна замечательная фраза на этот счет, – потерла Ева виски. – Что-то вроде того: горячительные напитки подобны славе или морской воде – чем больше пьешь, тем больше жаждешь...

– Ива взяла у меня твой телефон. В конце недели она тебе позвонит.

– Зачем?

– Как – зачем? – удивилась Шурочка. – Ты же Михайловского собралась охмурять! Мне Ива так и сказала перед уходом – пари остается в силе. На выходные тебе придется ехать к ней в Лапутинки.

– Какой ужас... – уныло произнесла Ева. – Очень жалко расставаться с сережками!

– Ты не уверена в своих чарах? – усмехнулась подруга. – Или Михайловский тебе больше не нужен?

– Нужен... – Ева чувствовала себя совершенно потерянной и разбитой. – Только вряд ли он нуждается во мне. Эта твоя Иветта... Похоже, она очень хитрая особа.

– Ива? Ну, я не знаю... А по-моему, она очень приличная и порядочная девушка. Кстати, ее покойный отец – бывший замминистра иностранных дел.

– Seriously?

– Клянусь! Ты забыла, что моя мама и ее мама – хорошие приятельницы.

– А где Ива работает? Кто она?

– Она закончила МГУ, только вот какой факультет – не помню... Но она не работает, почти постоянно живет в Лапутинках, цветы разводит... Она еще курсы садовых дизайнеров закончила – для себя, разумеется.

– На что же она живет?

– Господи, я же сказала – ее отец был замминистра! А до того он был крупным партийным функционером, наследство оставил немаленькое. Они с матерью не шикуют, конечно, но вполне могут себе позволить ничего не делать.

– Живут на золото партии, значит... – пробормотала Ева.

– Ай, перестань! Я же говорю – вполне приличные люди. Так ты будешь знакомиться с Михайловским?

– Буду.

– Ева, и вот еще что, – насупившись, продолжила Шурочка. – Если ты еще хоть раз меня ущипнешь, то я...

– А кто тебя просил вспоминать про Иванько?!

– Ой-ой-ой, какие мы нежные... Ева!!! Ты опять?..

После, когда Шурочка уже ушла, Ева, так и не переодевшись, снова легла на диван. Она чувствовала себя скверно, на душе была тоска – но не сливовый ликер был тому причиной. Уж как она не хотела вспоминать о Ярославe Иванько, а пришлось!..

Четырнадцать лет назад она встретила на одной из вечеринок замечательного юношу, настолько красивого и талантливого, что совершенно потеряла голову.

Это было прекрасное время, когда Ева, студентка художественного института, думала, что из нее выйдет замечательный скульптор – вроде Веры Мухиной. Что она прославится на весь мир и ее работы из бронзы и гранита будут стоять на главных площадях города... Тогда она никак не могла предполагать, что площади Москвы в скором времени заполонят работы совсем другого автора, а она, Ева Полякова, начнет мастерить кукол. (Ну, да это неважно, о смене профессии Ева на самом деле нисколько не жалела.)

Словом, она была юна, талантлива, ослепительно красива (малый рост и сорок шесть килограммов веса ничуть не уменьшали ее успех у противоположного пола, а, скорее, даже наоборот!), у нее все было впереди.

Ярослав Иванько приехал в Москву из Ялты, учился на журналиста – вернее, уже заканчивал учебу, и был вполне достойной парой Еве.

Ярослав. Ярик. Славушка. Славный Ярик.

Высокий, намного выше Евы, жгуче-черные волосы до плеч, которые он зачесывал назад, темно-темно-карие, почти черные глаза... Ярослав напоминал всех латиноамериканских актеров сразу.

Ева очень сильно любила его (так же сильно она потом его ненавидела, но это потом). Они были практически неразлучны, единственной проблемой было то, что Ярик жил в общежитии, а Ева – в малогабаритной московской квартире, вместе с родителями.

Ни до, ни после Ева не испытывала ничего подобного, ничего такого, что напоминало бы ее чувства к Ярику. От одного взгляда на него у нее перехватывало дыхание и сжималось сердце. Не было такого эскалатора в московском метро, на котором бы они не целовались, не было ни одной улицы, где бы они ходили, не держась за руки. Это мучительное желание всегда прикасаться к нему, всегда чувствовать его рядом, еще более подогреваемое тем обстоятельством, что они вынуждены были вечно скитаться по каким-то углам...

И те редкие моменты, когда они с Яриком оставались вдвоем, наедине, ценились на вес золота.

Чьи-то дачи, квартиры чьих-то друзей (ее или его). Холод чужих простыней, нафталиновый запах чужих коридоров, тараканы в чужих кухнях – всего этого Ева решительно не замечала, она радовалась любой возможности любить Ярика.

Тогда она первым делом расстегивала ему рубашку и прикасалась губами к его ключицам. Ей нравился островок мягкой шерсти у него на груди, ей нравился запах его кожи. Она дышала Яриком, она словно впитывала его в себя.

– погоди, не надо... – отталкивала она его нетерпеливые руки. – Я сама.

Ей нравилось в эти минуты командовать им, ей нравилось, что именно в такие моменты он подчинен ей, что он в полной ее власти – поскольку во все остальное время Ярослав Иванько, очень самостоятельный и мятежный молодой человек, очень неохотно слушался кого-либо.

Но в минуты уединения Ярик закрывал глаза и смирялся, становясь покорным рабом Евы, становясь тем инструментом, на котором она исполняла очередную Песнь Песней.

Ее вдохновение было безудержным, энтузиазм не имел границ, она доводила Ярика до полного бессилия, до такого состояния, что он шептал потом в изнеможении: «Ева, что ты со мной сделала... Я же теперь ни рукой, ни ногой не могу пошевелить!» Она же, точно кошка, мурлыкала у него на груди, терлась лицом о его кожу, вдыхала его запах, растворялась в нем.

Через полтора года безудержного счастья Ева случайно узнала, что Ярик встречается еще с кем-то. Узнала именно случайно, поскольку ничего в их с Яриком отношениях не изменилось и не было ни единого повода подозревать его. Чья-то случайно брошенная фраза, его оговорка, несколько не сочетающихся друг с другом фактов...

– Кто она?

– Кто?

– Она!

– Да нет никого, с чего ты взяла...

Следующие полгода были настоящей мукой, периоды отчаяния перемежались с периодами безудержного счастья. А потом Ярик сказал, что женится. На девушке с Нового Арбата. У этой девушки была собственная трехкомнатная квартира, зимняя дача в престижном районе Подмосковья и практически новая иномарка.

Ева сначала не поверила в то, что Ярик настолько меркантилен, она думала, что ее возлюбленный «просто увлекся». Но потом он сам сказал ей, что не смог бы жить в двухкомнатной малогабаритной квартире, да еще с родителями под боком.

– Ярик, но мы с тобой сами заработаем на квартиру!

– Господи, Ева, но это когда будет, а я уже сейчас хочу нормально существовать, в нормальных человеческих условиях! Если бы ты жила хотя бы одна, без родителей (к черту дачу, к черту машину!) – я бы, не раздумывая, выбрал бы тебя!

После разрыва с ним были у Евы несколько дней, когда она всерьез хотела умереть. Только поддержка родителей и Шурочки Лопаткиной остановила ее.

А потом, как и следовало ожидать, Ева успокоилась. Единственное, чего она не любила, – когда ей напоминали о Ярике. «Господи, и как я могла так голову потерять! – не раз пилила она себя. – Вот дура-то я была!»

Ева наконец заставила себя встать с дивана, привела себя и квартиру в порядок и принялась за работу. Ее вдруг озарила очередная идея. «Сделаю-ка я куклу, похожую на Ярика... Пародию на него! Через пару месяцев будет выставка, я туда этого «Ярика» и отправлю. Пусть люди над ним смеются!»

Надо сказать, изготовление каждой куклы отнимало у Евы много времени и сил. Это была кропотливая работа, которая требовала не только полета фантазии, но и огромного терпения, а также знания анатомии и солидного мастерства скульптора.

Сначала вылеплялись голова и ручки-ножки из специальной глины. Потом наступала стадия обжига их в муфельной печи, причем очень часто результат сильно отличался от того, что было задумано вначале, и операцию приходилось повторять еще и еще, а неудачные экземпляры Ева просто-напросто разбивала – словно посуду...

Лицо кукол Ева покрывала специальным воском, который усиливал сходство с живой человеческой кожей, потом расписывала его вручную масляными красками. Затем делала каркас туловища из тонкой проволоки и папье-маше.

Следующий этап – изготовление платья или костюма. Они тоже шились вручную. Для их изготовления Ева использовала натуральный хлопок, шелк, бархат, кожу, парчу, шифон, натуральный и искусственный мех, орнаментальную тесьму, позумент, галун, бисер, кружево, стразы, перья, цветные ленты... Иногда, в особых случаях, Ева покупала старинные ткани в антикварных магазинах – стоили они безумно дорого, зато результат превосходил все ожидания.

Далее изготавливался парик в соответствии с платьем, волосы – настоящие, человеческие – завивались и укладывались. Кукла получала имя, и сзади, под париком, ей ставилось специальное клеймо.

Но на этот раз Ева с самого начала придумала кукле имя. «Принц». Да, именно так будут звать эту игрушку... Принц, о котором мечтает каждая девочка и каждая женщина, тот самый, который должен приплыть на корабле с алыми парусами и превратить жизнь в сказку. Тот самый принц, которого не существует в природе, – обман, выдумка, фантазия... Поэтому он должен быть красивым и смешным одновременно. Этакая карикатура на мечту!

Всю следующую неделю Ева усердно трудилась, забыв обо всем на свете, и поэтому, когда в конце недели ей позвонила Ива, она даже не сразу узнала ее.

– Ива? Ах, ну да, Ива...

– Ты что, передумала? – несколько смущенно спросила Ива. – Ты не будешь знакомиться с Михайловским?

– Я? Нет, что ты!

– Боишься сережки потерять?

Ева вдруг рассердилась.

– Нет. Я ничего не боюсь. Я приеду, Ива.

– Тогда записывай адрес...

* * *

Четыре года назад соседнюю дачу, долго стоявшую без хозяев, вдруг купили. В один прекрасный весенний день Ива услышала голоса за забором, шум строительных работ.

Мать, которая в этот момент была у дочери (обычно она жила в городе, а вот Ива предпочитала свежий воздух и тишину), сказала:

– Ну вот, началось... Теперь он испортит нам целое лето!

– Кто – он? – удивилась Ива. Она, хоть и жила почти постоянно в Лапутинках, мало с кем общалась из своих соседей, и местные новости были ей не всегда доступны. А вот мать – светская тусовщица и егоза, способная разговорить кого угодно – была всегда в курсе всего, даже если заезжала к дочери лишь на денек.

– Да этот, как его... Михайловский! Очень модный, но я эту белиберду не читаю.

– Какую белиберду? – удивилась Ива.

– Господи, Вета, ты совсем одичала! Даниил Михайловский – пишет исторические романы, которые расходятся, словно горячие пирожки!

На самом деле мать не читала ничего, кроме газет и толстых глянцевого журналов, в которых пересказывались светские сплетни и печатались подробные гороскопы.

– А, тот самый... – озарило Иву. – Слышала о нем. Только, говорят, это не живой человек, а псевдоним, под которым работает группа литераторов.

– Как это – не живой? – возмутилась мать. – Очень даже живой! Призраки дач не покупают... Вета, ты сходи к нему, пусть он спилит то безобразное дерево, а то оно вот-вот на наш забор рухнет!

– Никуда я не пойду, – моментально ожесточилась дочь. – Делать мне больше нечего!

– Вета, господи, какая ты дикая! – тоже моментально ожесточилась мать.

Ива ненавидела, когда ее называли Ветой – это было прозвище старых дев и синих чулок, а она таковой себя не считала. Она была нежной и романтической Ивой...

Но с Михайловским ей вскоре познакомиться пришлось. Старое, засохшее дерево, как и предвещала мать, рухнуло и действительно несколько испортило двухметровую каменную ограду, разделявшую два участка.

Михайловский явился с извинениями, дерево распилили и убрали, ограду восстановили. Ива была совершенно очарована.

Беллетрист Даниил Михайловский оказался живым человеком из плоти и крови, порядочным и симпатичным. Ко всему прочему он был холост – за его плечами, как выяснилось, было два очень неудачных брака.

Никакой глобальной перестройки на своем участке делать он не стал, кое-что подремонттировал, пристроил небольшую веранду, соорудил деревянную беседку на заднем дворе – этим и ограничился.

И пригласил Иву на чай.

Первый вечер они беседовали только на общие темы.

– Даниил Петрович, сколько вам лет? Я не из праздного любопытства спрашиваю...

– Что ж, я не женщина, возраста своего скрывать не собираюсь. Мне тридцать пять лет.

– И уже написали столько книг! В год по книге получается, да?

У Михайловского к тому моменту вышла уже четырнадцатая книга.

– Ну что вы, Иветта! – засмеялся тот. – Я начал писать только лет пять назад, на каждую книгу у меня уходит месяца два, три... И еще то время, что я провожу, изучая материалы.

– Так быстро... – удивилась Ива.

– А вы думали! Нынче все делается очень быстро.

– А над чем вы сейчас работаете?

– Пишу о Григории Распутине. Скоро закончу, а в конце зимы, наверное, книга уже выйдет. Я вам ее подарю, Иветта.

– Это было бы здорово... Только, Даниил Петрович, не называйте меня так, я своего имени не люблю. Маменькины причуды... И Ветой тоже не называйте.

– Так как же к вам обращаться?

– Ива. Называйте меня – Ива.

– Ива... – задумчиво повторил он. – Звучит чудесно. Тогда у меня к вам тоже встречное предложение – зовите меня просто по имени, без отчества. И лучше на «ты», мы же соседи как-никак. К чему лишние церемонии!

Но церемонии были. Период вежливых бесед на общие темы длился довольно долго, даже сдержанная Ива, которая старалась продумывать каждый шаг своей жизни (чтобы не было потом мучительно больно), немного заскучала.

– Ну как твоей Михайловский? – однажды, в один из своих приездов, спросила мать. – Было что-нибудь?

От этой бесцеремонной фразы Иву передернуло. В этом была вся мать!

– Что ты имеешь в виду? – сухо спросила она.

– Ну как... вы встречаетесь, вы друг друга почти каждый день видите... Или он глаз положил на Голышкину?

Инна Голышкина была известной спортсменкой, и ее дача находилась с другой стороны от дачи Михайловского.

– Чего ты хочешь, мама?

– Я хочу, чтобы ты вышла замуж. Тебе уже сколько? Двадцать семь?.. Ты вполне созрела для брака. А то живешь тут в четырех стенах, упырем...

– Кем?!

– Ну, в смысле – одна...

– Даниил Михайловский больше никогда ни на ком не женится – это он мне сам однажды сказал. Он сказал, что лучше повесится, чем снова сделает это... У него, мама, был очень неудачный опыт семейной жизни.

– Бедняжка... – иронично засмеялась мать. – Ну ничего, они всегда это сначала говорят.

– Мама, я его очень хорошо понимаю. И он из тех людей, которые не меняют своих решений. Даже если я стану его любовницей, он никогда не сделает мне предложения. Так что успокойся...

– А ты-то сама чего хочешь?

– Ничего. Мама, я правда ничего не хочу, – улыбнулась Ива.

Она немного кривила душой. На самом деле у нее было одно желание – стать подружкой Михайловского. Все-таки – его любовницей. А штамп в паспорте – господи, да кому он нужен сейчас...

Осенью, когда закончилось лето и начались первые дожди, Михайловский пришел к ней с ведром антоновских яблок.

– Ива, это тебе... Что-то не густо у тебя в этом году с урожаем.

– Яблони, Даниил, не каждый год хорошо плодоносят. Может быть, следующей осенью я буду тебя угощать, – заметила она.

– Смотри, ты обещала! – засмеялся он.

– Хочешь, я испеку пирог с яблоками?

– О, давай! Только если это тебя не затруднит...

Ива пошла на кухню, Михайловский – за ней.

– Слышал, Голышкина какую-то передачу на телевидении стала вести?

– Да, что-то слышал.

– А тебя на телевидение не приглашали?

– Было дело. Только я отказался. Да ты сама, наверное, видишь, что не для меня все это...

– Вижу. – Из-под ножа зелено-белой лентой вилась яблочная кожура. Михайловский вдруг взял руку Ивы и осторожно поцеловал запястье.

Ива замерла. Она хотела этого и боялась. Она всегда всего боялась, «нет» и «да» вечно вели борьбу в ее душе. Если бы Михайловский не пошел на сближение первым, она сама никогда не решилась бы шагнуть навстречу ему. Умерла бы, но не шагнула.

– Ива, посмотри на меня, – сказал он.

Ива медленно подняла на Михайловского глаза. Наверное, он сразу прочитал в них то, что было нужно, и не стал останавливаться. Он вынул нож из ее рук и положил его на стол. Притянул Иву к себе, взял в ладони ее лицо.

– Ты очень хорошая... – тихо произнес он и поцеловал ее.

Ива мысленно воскликнула – «ах!» и точно в пропасть полетела. Михайловский так нравился ей, так imponировал своей угрюмой принципиальностью, что буквально – она едва не упала, ослабевшие ноги вдруг задрожали и подкосились. Михайловский подхватил ее, понес на руках в спальню.

Все это было немного мелодраматично и как-то даже по-киношному...

Ива никогда не считала себя красавицей. Но она точно знала, что и уродкой тоже не была – обычная среднестатистическая девушка, очень выгодно смотревшаяся на фоне тех коров, которых было полно вокруг. Она никогда не стремилась выделиться из толпы, одевалась очень скромно, яркий макияж не делала, волосы красила тон в тон, лишь для того, чтобы оживить их цвет – в отличие от матери, которая никогда и ни в чем не знала меры.

Иногда у Ивы возникало желание купить себе какой-нибудь яркий, откровенный наряд, придать волосам рыжеватый оттенок и намазать губы ядовитым розовым цветом, но она никогда не поддавалась таким желаниям. Она боялась, что будет выглядеть смешно, боялась, что за всеми этими пестрыми красками ее не увидит тот, кого она ждет. Она презирала кружевное белье и все те ухищрения, которые превращали женщину в самку.

Вот мать – вокруг нее всегда вились какие-то пошлые альфонсы, а Ива ни в коем случае не хотела привлекать к себе внимание подобных типов...

Михайловский был именно тем, кого она ждала. И, если подумать, очень хорошо, что он так долго медлил, так тщательно приглядывался к ней, – значит, он был Мужчиной с большой буквы, а не обычным самцом.

...Итак, Михайловский поднял ее на руки и отнес в спальню.

Целовал он ее долго, вдумчиво и серьезно, доведя Иву до какой-то иступленной прострации. И вообще, все делал очень долго и обстоятельно, но Иве это нравилось. Так нравилось, что она вдруг потеряла контроль над собой.

Ива постоянно себя контролировала – как уже упоминалось, она боялась выглядеть нелепой, и все ее прошлые романы (для того чтобы пересчитать их, хватило бы пальцев одной руки) были очень коротки и непримечательны. Но в случае же с Михайловским ситуация вышла из-под ее контроля.

Она кричала. Она визжала (о, стыд!). Она кусала его за плечи. Она... Ох, лучше даже не вспоминать об этом!

После Михайловский спросил ее деликатно, с некоторым удивлением:

– Ива, что это было? Я не ожидал...

Она закрыла лицо ладонями.

– Ива...

– Даниил, ради бога, уходи и никогда не упоминай об этом, – глухо пробормотала она. – Мне очень неловко, честное слово. Теперь ты, наверное, так обо мне думаешь...

– Да ничего я не думаю! – рассердился он. – Все в порядке.

Он пришел к ней на следующий день. Потом на следующий. Потом она пришла к нему. Потом... Правда, потом эти встречи, к сожалению, стали не такими частыми, но зато приняли постоянный характер.

Ива безумно его любила. Что чувствовал к ней Михайловский, она не знала, но спросить его, разумеется, не могла.

Все остальное время они говорили на те самые «общие темы», и лирика, как таковая, в их отношениях отсутствовала. Они были друзьями и добрыми соседями, время от времени оказывающимися в одной постели. Иногда, когда Михайловский садился за написание очередного романа, они вообще не встречались.

Ива ничего не требовала.

Он ничего не обещал.

Ничего не менялось.

Единственное, чего хотела Ива, – чтобы это продолжалось как можно дольше. Всю жизнь. Всю жизнь – вот так, как сейчас.

Соперниц она не боялась – во-первых, Михайловский, насколько об этом могла судить Ива, другими женщинами вообще не интересовался. Даже более того – он их ненавидел. Стерв – тех так просто на дух не выносил (стоило только посмотреть на то, как он общался с этой фифой, телезвездой Голышкиной!). Во-вторых, семейные отношения вызывали у него отвращение, и он Иву честно об этом предупредил.

И вот однажды, случайно, четыре года спустя, Ива оказалась в гостях у Евы Поляковой.

Ива была шокирована – дверь им с Шурой Лопаткиной (доброй, но глуповатой дочерью материной подруги) открыло странное создание. Маленькая кукла в красном бархатном платье, с ядовито-красными губами и густо подведенными глазами, с пошлыми белокурыми кудельками на голове. Такой Ива в первый раз увидела эту Еву.

А уж гонору... Как эта Ева общалась с Шурой – особый разговор. Непонятно только, почему Шура терпела подобное обращение? Но это, наверное, такой закон: если человек глуповат и добр, то в друзьях у него непременно ходят всякие сволочи, которые свободно им помыкают...

Кукла делала кукол.

Когда Ива увидела этих самых кукол, у нее даже волосы на голове зашевелились от ужаса – настолько те выглядели живыми. Или нет, даже так – коллекция маленьких мертвых человечков... Словно Ева крала маленьких детей, умерщвляла их и искусно бальзамировала. Бр-р! Ива никогда бы не приобрела для себя такую игрушку. Такой же страх и одновременно удивление вызывает работа таксидермистов...

А потом, в разговоре, выяснилось, что Ева обожает романиста Михайловского. И даже мечтает выйти за него замуж. Ива, когда услышала это, едва не расхохоталась. «Знала бы ты, милочка, как Даниил относится к таким, как ты! Да он к дачным комарам испытывает больше приязни, чем к вам, стервам!» – подумала Ива.

И ей ужасно захотелось поставить Еву на место, дать той понять, что не все мужчины любят стерв, что не все в восторге от ядовитой помады и белокурых кудрей а-ля Мэрилин.

Ива предложила Еве пари (глупо, конечно, но к тому времени она, Ива, была немного пьяна). Ева согласилась. Конечно, потом можно было забыть всю эту историю, выкинуть из головы воспоминания о странной квартире, где над маленькими мертвыми человечками царствовала злая волшебница, но дух упрямства разыграл вдруг в Иве.

Она понимала, что стерве никогда не докажешь того, что она стерва (равно как и дураку – что он дурак). Но очень уж хотелось поставить Еву на место!

* * *

Таксист – чрезмерно толстый молодой парень с ранней лысиной – всю дорогу с тоской косился на Еву и едва заметно, но тяжело – стонал и сопел.

– Куда вам, девушка?

– В Лапутинки.

– Охо-хо...

Таксист прекрасно понимал, что такая девушка, как Ева, вряд ли будет к нему благосклонна, и даже знакомство не пытался завязать – знал, что бесполезно. Слишком хороша та была, даже более того – ослепительна.

Ева долго думала, как одеться на встречу с Михайловским, но, перебрав все варианты, отвергла строгую классику и гламурную пестроту.

Выбрала светло-желтые бриджи и полосатую рубашку-поло – бледно-желтые и белые полосы, белые воротник и манжеты на коротких рукавах, очень простенькая, в духе тридцатых годов, и вместе с тем облегающе-женственная рубашка. Белые туфельки с открытой пяткой на неимоверной шпильке, темно-желтая матерчатая сумочка с вышитым на боку солнышком, макияж – прозрачный, легкий, сияющий. Вся такая летняя, юная, праздничная... Недаром говорят: «Маленькая собачка – до старости щенок».

Она села в кресло, запрокинув голову, закрыла глаза и улыбнулась.

– Охо-хо... – засопел рядом водитель.

Ева пользовалась услугами такси, хотя вполне могла себе позволить приобрести машину – недорогую, но какую-нибудь вполне приличную иномарку. У Евы даже права были! Но она, обычно такая смелая и азартная, терялась на московских дорогах, ей становилось страшно – в потоке хаотично и агрессивно (словно акулы рядом мелькают, норовя цапнуть!) виляющих вокруг нее авто.

«Глупое пари... Но зато хоть на Михайловского посмотрю!»

Они ехали долго, после Кольцевой больше часа потеряли в пробке. Водители в стоявших рядом машинах с радостным возбуждением разглядывали Еву, а ей еще большую радость доставляло желание не замечать их.

– Охо-хо...

Наконец прибыли в Лапутинки, остановились у высокого каменного забора. Возле ворот уже стояла Ива и улыбалась.

– Ева, молодец, что приехала!

На миг Еве стало неловко – опять Ива показалась ей какой-то странной, неискренней, но потом это ощущение исчезло. Они прошли в сад, расположились на веранде, увитой диким виноградом.

– Сейчас Даниил Петрович придет...

– Послушай, Ива, а что ты ему обо мне сказала? – с интересом спросила Ева.

– Сказала, что ко мне подруга приедет, его большая поклонница. Спросила его, может ли он дать тебе автограф. Он сказал – может. Вот и все! погоди, я сейчас чай принесу. Или чего покрепче? – спохватилась Ива.

– Нет-нет-нет! – замахала руками Ева. – Только чай. Один чай!

Ива ушла, а Ева осталась одна. У нее не было дома за городом, и она очень смутно представляла себе дачное житье. Солнце светило сквозь листья винограда, воздух был непривычно свеж и легкий, высоко в небе гудел самолет. «Хорошо-то как! Может, и мне дачку завести?»

Послышался шорох, и по ступенькам поднялся на веранду мужчина средних лет, мрачного и серьезный. Крепкий – не толстый, но довольно плотного телосложения, ростом выше

среднего. Темно-каштановые отросшие волосы, густые темные брови, темные глаза. Джинсы, клетчатая рубашка навыпуск, сандалии на босых ногах. Михайловский?!

У Евы мурашки побежали по спине.

До последнего мгновения вся эта история казалась ей шуткой, но, когда Ева увидела перед собой знаменитого беллетриста, она машинально и почему-то без всякой иронии подумала: «Ну вот он, мой муж... И ведь совсем не старый!»

– Даниил Петрович... – Она поднялась ему навстречу.

– Да, здравствуйте, – ответил он немного глуховатым, низким голосом. – Это вы – та самая подруга?

– Ага!

Не понять было – в настроении Михайловский или нет, всегда он выглядел таким мрачным или был недоволен этим вынужденным знакомством...

– О, Даниил! – На веранду вышла Ива с подносом. – Привет. Вот она, та самая Ева Полякова, которая без ума от твоих книжек!

– Это правда, – кивнула Ева. – Сплю и вижу, что вы дадите мне автограф...

– Можно на «ты», – равнодушно и даже как-то небрежно произнес он. – Только у меня мало времени, я всего на полчаса.

Ева вытащила из сумочки его последнюю книгу.

Тот достал из кармана шариковую ручку и четким, размашистым почерком стремительно написал на развороте – «Еве от автора», поставил подпись.

– Прошу... – Когда Михайловский передавал ей книгу, Ева заглянула ему в глаза. Мрачные, непроницаемые, они ни о чем не говорили.

– Ева делает кукол, – с улыбкой произнесла Ива. – Садитесь! У меня замечательный чай, с жасмином...

– В каком смысле – кукол? – спросил Михайловский, держа в крепких, совсем не писательских руках изящную чашку.

– Которые на выставках обычно бывают, коллекционные... – пояснила Ива. – Это просто чудо какое-то... Они выглядят совершенно как живые!

– Надо же... – с мрачным равнодушием произнес тот. – Можно я закурю?

– Да, пожалуйста! – в один голос воскликнули Ева и Ива.

– Ты специально этому училась? – закулив, обратился Михайловский к Еве.

– Нет, – сказала она. – По образованию я – скульптор. Вообще этим делом занимаются совершенно разные люди... Вот Дима ПэЖэ – это такой известный кукольный мастер у нас, – он раньше был ювелиром и реставратором мебели. Голландка Тина Камербек – огранщицей алмазов. Американка Ардис Шанкс пробовала себя в качестве скульптора и в качестве фотографа-репортера. А потом однажды взяла в руки головку обычного сыра и в некоем интуитивном состоянии слепила из нее кукольную фигурку. Ардис теперь делает гномов и принцесс, изящных дам и фей в пышных локонах из ангорской шерсти... Ее работы известны всем коллекционерам мира.

– Забавно... – пробормотал Михайловский, выдыхая дым.

– А немецкая художница Вильтруд Штайн призналась, что сделала свою первую куклу с детской фотографии мужа – так она любила его. Теперь ее фарфоровые малютки в ползунках и мохеровых шапочках тоже очень популярны, – продолжила Ева. – А вот у кукол Фридеричи очень драматичная история...

– А ты почему занялась этим? – оживленно перебила ее Ива.

– Не знаю. Наверное, не наигралась в детстве, – пожала плечами Ева.

– Да, в каждой женщине сидит девочка... – мечтательно произнесла Ива. – Правда, Даниил?

«Интересно, что их связывает? – вдруг подумала Ева. – Нет, не похоже, чтобы они были любовниками... Да и с какой стати Ива стала бы сватать меня к своему любовнику?.. Чушь!»

– Возможно... – Тот затушил сигарету в пепельнице, залпом выпил свой чай. Ему явно было скучно. И тут Ева разозлилась. Она не привыкла к тому, чтобы ее так откровенно игнорировали.

– Пожалуй, я тоже закурю, – задумчиво произнесла она. – Можно? – Она достала из пачки Михайловского сигарету. Вообще Ева не курила (баловалась когда-то давно, а потом благополучно бросила), но сейчас ей просто до дрожи в руках хотелось сделать нечто такое, что вывело бы его из себя. Чтобы стереть с его лица это мрачное равнодушие, чтобы разозлить как можно сильнее!

Михайловский щелкнул перед ней зажигалкой. Ева с видом светской львицы прикурила. Глубоко вдохнула в себя дым, а потом с невозмутимым видом, медленно и обстоятельно – выдохнула его Михайловскому прямо в лицо. Это был очень грубый, нахальный и даже в каком-то смысле непотребный жест.

Михайловский заморгал, побледнел. У Ивы от изумления слегка приоткрылся рот...

– А над чем ты сейчас работаешь, Даниил? – как ни в чем не бывало, тоном светской львицы, спросила Ева. – Твои творческие планы, так сказать... Что ты пишешь?

Михайловский несколько секунд молчал, только ноздри у него гневно подрагивали. А потом сказал на удивление сдержанно:

– Я, милая Ева, сейчас только материал для книги собираю. Пока не пишу, сижу в архивах.

Ива переводила растерянный взгляд то на нее, то на него.

– Безумно интересно, – произнесла Ева с таким выражением, словно ей пытались объяснить законы термодинамики. – Архивы...

– Да, работы непочатый край. – Михайловский встал. – Ну-с, я пошел... Всего доброго!

– До свидания! – вежливо поклонилась Ева.

Когда Даниил Михайловский скрылся из виду за кустами, Ива дрожащим голосом спросила:

– Ева... Ева, ну зачем ты так?..

– Этот Михайловский – зануда и сноб, – мрачно ответила Ева и с отвращением раздавила сигарету в пепельнице. – Фу, какая гадость...

– Ева, ты же так... Ты же была без ума от его книг!

– Я и сейчас очень люблю беллетриста Даниила Михайловского. Но как человек...

– Да ты ж его не знаешь совсем! – воздела руки Ива.

Ева достала из сумочки маленький мешочек из малиновой замши на шелковом витом шнурке и положила на стол, рядом с Ивиной чашкой.

– Вот. Это твое.

– Что это?

– Сережки. Я проиграла пари.

– Ева! Господи, перестань... – Ива вскочила и принялась запихивать мешочек Еве в сумочку. Ева сопротивлялась. – Это же была просто шутка! Мне совсем не нужны твои сережки! Ева, я тебя умоляю... Ева, ну это же смешно!

– Ива, я проиграла пари.

– Ева, неужели ты всерьез подумала, что мне нужны твои сережки?!

– Нет, это дело принципа!

– Ева, я пригласила тебя сюда только потому, что видела, как ты хочешь познакомиться с Михайловским...

Они попрепирались еще немного, потом успокоились. Ива улыбнулась – ей удалось оставить сережки у Евы.

– Ладно, мне пора... – вздохнула Ева. – На самом деле все было просто замечательно. Спасибо, Ива.

Та просила ее остаться, посидеть еще немного, но Ева отказалась. Когда она ехала сюда на такси, то заметила, что до железнодорожной станции совсем недалеко.

– Нет-нет, не провожай меня, я прекрасно дойду сама!

Ева пошла по дороге вдоль высоких заборов. Было тепло, в вечернем золотом воздухе летала прозрачная паутина, остро пахло скошенной травой. Трое загорелых работяг, сидевших на корточках у колонки, проводили Еву изумленными и одобрительными взглядами.

Вдали, за деревьями, мелькнула прозрачная синяя крыша из пластика – это была уже станция.

Внезапно рядом с Евой остановился внедорожник, плавно опустилось боковое стекло. В машине сидел Михайловский.

– Садись. Я подвезу, – хмуро сказал он.

Ева улыбнулась и покачала головой.

– Да садись же... – раздраженно произнес Михайловский.

Ева пожала плечами и села в машину рядом с ним.

– Ты хотела меня зацепить, и тебе это удалось, – сказал он, скрестив руки на руле.

– На самом деле это очень просто. Даже примитивно. Странно, я думала, что интеллектуалы вроде тебя на такие провокации не поддаются, – равнодушно произнесла Ева, хотя сердце у нее билось беспокойно. Михайловский волновал ее.

– Чего ты хотела?

– Автограф, чего же еще. Посмотреть на загадочного романиста... А еще – выйти замуж за него.

– Что-о?.. – опешил Михайловский. А потом захохотал.

– Я серьезно, – сказала Ева.

– Потрясающе! Удивительная откровенность...

– Поэтому прости за тот трюк с сигаретой. Надеюсь, я тебя не сильно обидела... Вообще, я не обижаю тех, кого нельзя обижать.

– А меня, значит, можно было? – усмехнулся он.

– Да, – ответила Ева просто, глядя на его руки.

– Святая простота!

– Именно. Я не из тех, кто что-то скрывает. И люблю, когда и люди вокруг ведут себя так же.

– Разве я что-то скрываю?

– Мне кажется, да. Ты спрятался ото всех в этих Лапутинках, ты не даешь женщине заглянуть в свои глаза.

– Тебе, что ли? – фыркнул Михайловский. – На, смотри... – Он придвинулся к ее лицу – нос к носу. – Смотри!

От него пахло табаком и, очень слабо, каким-то дурацким лосьоном после бритья. Возле глаз у Михайловского были морщины, один рыжеватый длинный волос в брови смешно торчал вверх, выбиваясь из общего потока.

У Евы похолодели ладони и стало как-то пусто в животе.

Зрачки Михайловского вдруг расширились – в самом деле, точно впуская в себя Еву! – глаза стали совсем черными.

Она невольно отшатнулась.

– Что, довольна?..

Некоторое время Михайловский и Ева сидели молча, глядя в стороны. За пластиковым навесом промчалась электричка.

– Никогда не была в архиве... – пробормотала Ева. – Там интересно?

– Очень! – опять захохотал Михайловский.
– У меня дома тоже есть архив. Старые письма.
– Чьи?
– Прадеда и прабабки. Пара дедовых писем – он их бабке с войны прислал. Отца и матери... Только я их никогда не перечитывала.
– Почему?
– Боюсь, плакать буду... – призналась Ева. – Честно говоря, у них у всех очень несчастная жизнь была. Ладно, мне пора... – Она распахнула дверь, спустила ногу вниз.
– погоди... Я могу довезти тебя.
– Нет уж! На электричке доберусь.
– А говорила – замуж собралась, – напомнил он.
– Я передумала! – засмеялась Ева. – И это правда – я всегда играю честно.
Михайловский посмотрел на нее какими-то совсем уж дикими, сумасшедшими глазами. Ева махнула рукой и побежала к лестнице – на ту сторону платформы. Когда она на мосту оглянулась, то обнаружила, что внедорожника Михайловского уже нет. Он уехал.

* * *

1913 год. На летние вакации¹ Митя Алиханов поехал в деревню, к своей сестре Нине, – та уже в который раз снимала за сорок рублей дачу неподалеку от Каширы. С Митей поехал и Макс Эрден, его товарищ по Александровскому училищу.

Устав от муштры и строгих порядков, царивших в Красных казармах, юнкера словно опьянели от свободы. В первый же день, побросав свои нехитрые пожитки в крошечной темной комнатухе (за сорок рублей хоромы не снимешь!), они отправились на охоту.

Лес, свежий воздух, почти три месяца беззаботного житья впереди – все это будоражило молодую кровь.

Отмахав по лесу без особых усилий три версты, молодые люди оказались у болота. Но ни одной птицы подстрелить не смогли, хотя вокруг было полно и дупелей, и бекасов, и вальдшнепов, – и все потому, что Макс с Митей говорили и не могли наговориться. Словно до того молчали целый год!

– ...нет, голубчик, насчет свободы и равенства я тебе вот что скажу, – с холодным азартом произнес Макс – белокурый, высокий, с широкой нижней челюстью и неподвижными голубыми глазами (сказывалась северная кровь – предками Эрдена были шведы). – Все это очень относительно и субъективно. Человек изначально несвободен – по природе своей – и только думает, что владеет судьбой, но на самом деле судьба владеет им. Он может строить сколь угодно грандиозные планы, но если ему на голову следующим утром упадет кирпич, то все его планы лопнут, подобно мыльному пузырю...

– Ты просто фаталист! – усмехнулся Митя, шагая рядом с товарищем. Ружье давило на плечо, ноги в давно отсыревших и тяжелых сапогах утопали в мягкой, точно кисель, почве, поросшей осокой, но Митя всех этих неудобств не замечал. – Хотя в этом вопросе я с тобой согласен. Но равенство...

– Да нет никакого равенства! – сердито закричал Макс. – Я вот тебе сейчас одну историю расскажу... Помнишь, о прошлом годе я очень сдружился с Деревянко?

– Это тот, из знаменной роты?

– Именно так... Он показался мне очень незаурядным человеком. Сошлись мы на Достоевском. Федор Михайлович всю жизнь «мучился», по его собственному выражению, мыслью о Боге. Может ли быть религиозно оправдано зло в человеке, в истории? Возможно ли разде-

---

¹ Вакации – каникулы.

ление церкви и культуры? Ну и тому подобная схоластика... Словом, после споров о Достоевском Дервянко пригласил меня к себе в деревню – вот как ты меня сейчас. Буквально так и сказал: «Поехали ко мне в деревню. Мать и кузины будут очень рады тебе...»

– И что? – с интересом спросил Митя.

– А то, что никакая это не деревня оказалась, а самое настоящее имение! – усмехнулся Макс. – Дервянко – он ведь только внешне прост, а на самом деле оказался богачом.

– Высший шик – это никакого шика... – пробормотал Митя.

– Вот-вот. В июне я съездил к своим старикам, в Тверскую губернию, а в начале июля, как и было договорено с Дервянко, прибыл по железной дороге на указанную им станцию. Представь мое первое потрясение – он встретил меня в изящном ландо, запряженном парой великолепных гнедых. Сюртук на нем из неброской, но очень добротной ткани... Я прямо оробел. Ну ладно, едем по липовой аллее, беседуем, я немного пришел в себя... А дальше – дом, настоящий дом, не хуже, чем в Москве или Петербурге. Целая свора охотничьих собак, которые виляют хвостами при нашем появлении... Выходит слуга, берет мой скромный чемоданчик. Идем с Дервянко дальше. На теннисном корте девицы в английских спортивных костюмах лихо играют в теннис. Кузины, значит... Знакомятся со мной, весело щебечут. Дальше – маман, тоже по последней моде и вместе с тем неброско, в таком колониальном стиле одетая, качается в кресле посреди роз. «Ах, как хорошо, что вы приехали, господин Эрден, вечером поедem кататься на яхте!» – комическим голосом пропищал Макс. И указывает на речку – у пристани качается новенькое, красивое суденышко.

– Тебя так смутило богатство Дервянко? Они были высокомерны?

– Не в этом дело! Они милейшие люди, изо всех сил старались не замечать моей неловкости, вели себя со мной, как равные. Показывали мне конюшню с ухоженными лошадьми, фруктовый сад, оранжерею... Гонг позвал нас на обед. Дом внутри – очень уютный, словно призванный служить людям, роскошь – но роскошь не навязчивая, не вызывающая, не для того, чтобы произвести впечатление на окружающих, а для удобства людей, для покоя и комфорта. Медвежьи шкуры, серебряная, потемневшая от времени посуда – ее, оказывается, специально не чистили, чтобы не было этого помпезного, купецкого блеска. Старушка – тетка, вероятно, в смешном чепце, протягивает мне для поцелуя свою сморщенную ручку, начинает презабавный рассказ о том, как в юности видела Пушкина... Это были все милейшие, благороднейшие люди, старавшиеся жить в гармонии и уюте!

– Тогда в чем же дело? – недоумевающе спросил Митя. – Люди не кичились своим богатством, старались быть равными тебе... По-моему, ты сам себе противоречишь!

– Я тоже так думал. Я сам себя стыдился. Но во всей этой гармонии было нечто, что меня смущало, что я не сразу разгадал! А потом словно прозрел – эти люди не замечали своих слуг. Хозяева были приветливы со мной, приветливы и благородны по отношению друг к другу, но только не к слугам! И гармония рухнула... Я, при всей своей бедности, был *господином*, то есть равным этим Дервянко. А пока есть слуги и господа, равенство невозможно! Есть только равенство среди равных, а о большем и мечтать не следует...

Некоторое время они шли молча.

– Я и не знал, что у тебя такая замечательная сестра, – наконец добродушно, с печальной улыбкой произнес Макс. – Давно она вдова?

– Три года.

– И что же, до сих пор одна?

– Да. Ходит к ней один тут, некто Алмазов, тоже дачник, но, мне кажется, Нина привечает его просто от скуки.

– А другие кто? Кто еще живет по соседству?

– Милейшее семейство – Бобровы... – засмеялся Митя. – Они тоже люди далеко не бедные, но очень простые. Действительно простые – из тех московских, неанглизированных фамилий, которые умеют быть сердечными даже с прислугой.

Они обошли болото, свернули в осинник, так и не подстрелив ничего из дичи.

– Олимпиада и Полина... – со смешком продолжил Митя. – В одну я был влюблен позапрошлым летом, в другую – прошлым. И отчего так недолговечны все дачные романы? У них есть еще третья сестра – Наденька, ей как раз об это лето должно исполниться шестнадцать. Не завести ли новый роман?

– Алиханов, я и не думал, что ты такой селадон! – захохотал Макс. – Однако же куда мы вышли?

– Погоди, сейчас тут будет тропинка...

Но через час блужданий товарищи вдруг обнаружили, что, кажется, идут совсем не в том направлении.

– Вот так дела... – растерянно произнес Митя. – Я же эти места наизусть знаю! Тут невозможно заблудиться...

Они попытались применить на практике свои знания о том, как ориентироваться на незнакомой местности – определили стороны света и все такое прочее, но еще через час оказалось, что товарищи просто ходят по кругу.

– Вот эта кривая сосна... – запыхавшись, произнес Эрден. – Мы мимо нее уже проходили!

– И правда! – расстроился Митя. – Нет, это просто наваждение какое-то... Нас словно леший за нос водит!

Вечер, поздний вечер начала лета постепенно спускался на лес, делая его мрачным и неприветливым. Юнкера, хоть и были тренированными, здоровыми молодыми людьми, уже изрядно устали. И, главное, вдруг иссякли все темы для разговоров. «Тоже называется, пригласил друга в гости... – с досадой на самого себя думал Митя. – Вот конфуз! Надо же было заплутать...»

Из-за облаков выплыла круглая мутная луна, серебристые тени легли на темную листву.

– Гляди-ка, огонек! – вдруг заорал Митя, увидев впереди некое мерцание.

– Где? А, в самом деле! – обрадовался и Макс. – Избушка лесника, что ли?..

На поляне стояло что-то вроде ветхого сарайчика с крошечными, напоминающими бойницы окнами, в которых горел тусклый оранжевый свет. Здесь явно кто-то жил.

Они с грохотом постучали в дверь.

– Кто там? – отозвался скрипучий испуганный голос. – А я вот сейчас вас ухватом...

Угроза нисколько не испугала товарищей, они вошли в избу, благо дверь оказалась не заперта.

У печки суетливо возилась старуха в рваном салопе.

– Бабушка, не пугайтесь, мы не злодеи, мы просто с пути сбились! – ласково воскликнул Эрден.

– Вы бы нам дорогу показали! – громко сказал Митя, копаясь в кармане охотничьей куртки. Под пальцами звякнуло – копеек двадцать, должно быть... Старухе вполне хватит.

Та поморгала крошечными темными глазками, которые вдруг стали совершенно осмысленными при звоне монет, и скрипуче отозвалась:

– Отчего не показать? Что ж я, нехристь какая... Чичас покажу! А вы, ребятки, с охоты? Много ль настреляли?..

– Ни с чем возвращаемся. – Эрден похлопал по пустому ягдташу. – Не наш день оказался.

– Быват... – хихикнула та, вытащила из печки закоптелый медный чайник, исходящий паром. – А вы, ребятки, не торопитесь, обратно путь неблизкий... Садитесь за стол, я вас чайком угощу.

Митя с Эрденем переглянулись и, поняв друг друга без слов, рухнули на лавку возле деревянного почерневшего от времени стола.

Старуха поставила перед ними железные кружки.

– Бабушка, а вы кто? – любезно поинтересовался Эрден.

– Я-то? Я тут, почитай, последни двадцать лет живу. – Она села напротив, подперла сухими, узловатыми (словно древесные ветви) руками голову, снова часто заморгала. – Сама себе хозяйка.

– И не страшно одной-то жить? – спросил Митя, серьезно глядя на нее.

– А чо... – засмеялась та, показав один-единственный зуб. – С людьми страшнее. Люди – они пострашней того зверя будут! Хотите, погадаю вам, ребятки?

Эрден отказался, витиевато сославшись на то, что не хочет знать своего будущего, поскольку «многие знания – многие печали», а Митя кивнул. Он согласился из вежливости, будучи человеком несуетерным.

– Ладонку вашу, пожалте...

Митя протянул ей руку.

Старуха моргала своими крошечными глазками, склонившись над Митиной ладонью, бормотала себе что-то под нос, потом страдальчески ахнула.

– Что там? – лениво спросил Митя.

– Ах, болезный ты мой... – заскрипела та. – Вижу, ждут тебя нелегкие испытания!

Она принялась рассказывать, используя обычные выражения гадалок, которые мало что проясняли. Митя слушал ее больше из вежливости, а Эрден тихонько посмеивался в сторону, отпивая из кружки горячий чай.

– ...будут тебе муки мученически, но силен твой андел-хранитель, удержит тебя от самого страшного, пройдешь ты огонь-воду и медны трубы... – и т. д. и т. п.

– Ладно, бабка, спасибо тебе. Ты лучше дорогу нам покажи, – уже начал скучать Митя.

– Нет, ты погоди! – с азартом проскрипела та. – Сейчас я тебе всю правду доскажу – таку, каку ты ни от кого боле не услышишь... Пуще всего бойся полной луны и ни в коем рази не гляди на нее через лево плечо. Да еще бойся цветка фиалки. А како узришь луну да цветок етот, то знай – будет у тебя в жисти лишь один день шшасливый, да и токо... Один день!

Митя с трудом дослушал ее до конца.

– А тебе, милоч, я вот что скажу, – вцепилась она уже в Эрдена. – Прямо в глазонки твои ясны глядючи... Дорожка, по которой идешь ты, голубчик, на две стороны разбегаица. По воде пойдешь – спасесси, а нет – дак сложишь голову...

– Отстань, бабка! – рассердился Эрден.

Лишь тогда старуха вывела их на поляну, указала нужное направление.

– Зря ты слушал ее, – сказал Эрден. – Дикость... И денег еще дал!

– Да не такие уж деньги, чтобы о них убиваться, – отмахнулся Митя. – Я о другом хочу сказать – как, в сущности, мало отличаются друг от друга женщины! Будь хоть они из высшего общества, хоть из низов, но неистребима в них тяга к суетериям. То столоверчением занимаются, то хиромантией...

Эрден засмеялся.

– А бабка-то... Я больше чем уверен, что ни одной линии на твоей чумазой ладони разглядеть не смогла. Во-первых, она старуха и наверняка слаба глазами, а во-вторых, света в этой избе почти не было...

– И потом, понятие счастья весьма растяжимо. Для одних счастье – кусок хлеба получить на завтрак, другим целого мира мало, – задумчиво произнес Митя, поправляя ружье на плече. – Я несчастным себя ни в коей мере не чувствую. И были в моей жизни счастливые дни – много, много...

– По воде пойдешь – спасешься... – иронично повторил бабкины слова Макс. – Я, например, знаю только одного человека, который мог по воде ходить!

Они вышли из леса – дальше дорога была уже знакома Мите.

Вдали, у реки, раздавались веселые голоса.

Он прислушался.

– Кажется, это наши соседи, Бобровы... Пойдем, поздороваемся? – толкнул он локтем Эрдена. – Не пожалеешь!

– Ты уверен? Мы в таком виде...

– Да ну, брось!

Бобровы были из старинного московского рода, известного своим хлебосольством и простотой. У них в доме вечно толпилась молодежь – студенты, гимназисты, ученики консерватории и художественных училищ, будущие адвокаты и начинающие политические гении... Все они, словно мухи на мед, слетались сюда из-за сестер Бобровых.

Олимпиада, Липочка – была старшей. Высокая, стройная, с идеально правильными чертами лица, несколько холодноватая – но именно эта сдержанная недоступность и сводила юношей с ума. Она читала Маркса и Прудона и тем страшно пугала свою мать, Анну Леонидовну – полную, добродушную московскую барыню, о лени и веселости которой ходили анекдоты (отца семейства почти никто никогда не видел, тот был слишком занят в Думе).

– Липочка, ну зачем это тебе? – умоляюще складывала ручки на груди Анна Леонидовна, заметив у дочери очередную крамольную книжку.

– Затем, что мне это интересно, – невозмутимо отвечала Олимпиада.

– Господи, но барышни не должны читать подобную литературу!

– Мама, опомнись – сейчас начало двадцатого века, времена изменились! Если мужчины так и не смогли переделать мир, то это сделаем мы, женщины.

– Липочка, но женщины переделывают мир вовсе не на баррикадах, а используя совсем другие средства – свою слабость, обаяние, мягкость... Вот Сонечка, твоя двоюродная сестра, гораздо благоразумнее. Я надеюсь, она скоро приедет к нам и приведет тебя в разум.

Олимпиада только презрительно улыбалась в ответ. К слову сказать, загадочная Сонечка так ни разу в этих краях и не появилась...

Митя часто бывал у Бобровых, любясь издали холодной красавицей, но Олимпиада никак не выделяла его из толпы. И вдруг позапрошлым летом случилось нечто странное – он, сидя в летней беседке, рассказывал одному студенту, только что закончившему первый курс медицинского института, как ездил в Санкт-Петербург по делам семьи.

– ...представьте себе, Лужин, и тогда меня занесло на набережную, к речникам – захотелось посмотреть, как разгружают баржи. Но я даже не ожидал, что будет настолько силен контраст между столичными императорскими яхт-клубами и этими пристанями. Бедные, одетые в рваную одежду люди, в основном из бывших крестьян, – они носили на своих плечах кули и мешки, сгибаясь под их тяжестью. Черные, потные, с изнуренными лицами, с воспаленными от угольной пыли глазами... Самое ужасное – свою работу они не могли даже скрасить песней – в Петербурге это запрещено, следила полиция!

Собственно, Митя хотел рассказать эту историю своему собеседнику, Лужину, не только потому, что его возмущали существующие порядки, он хотел поведать о классификации рабочих-поденщиков: носаки – разгружали баржи с пиленным лесом, крючники – занимались штучными грузами, катали – бегали с тележками, и все такое прочее. Но его прервал вздох за спиной.

Это была Липа – она, оказывается, все это время очень внимательно слушала Митю, в стороне от веселящейся на поляне молодежи.

– Вы слышали о большевиках, Алиханов? – серьезно спросила она.

– Что? А, да... – немного растерялся он.

– И о Ленине?

– О ком? В общем, да... – зачем-то соврал Митя, хотя ни о каком Ленине знать не знал.

И вот именно с этих пор Олимпиада стала выделять Митю. Они ходили вместе, говорила в основном она – серьезно, много, несколько туманно. До тех пор, пока он не поцеловал ее на заднем дворе. Просто не смог удержаться – так хороша она была, такая юная и яркая.

Олимпиада не обиделась, как следовало ожидать, а совсем даже наоборот – всхлипнув, ответила на его поцелуй, и до конца лета они только тем и занимались, что бегали по задворкам, среди лопухов и крапивы, и целовались – исступленно, до головокружения.

Весь год Митя думал об этой девушке, но когда приехал на дачу следующим летом, то обнаружил возле Липы странного субъекта в косоворотке и высоких сапогах, который своим видом страшно эпатировал добрейшую Анну Леонидовну. Немного утешало ее то, что новый знакомый был из дворян.

– Ладно уж, пусть приходит... – как-то взмахнула она пухлыми ручками, устав совестить дочь. – Я ведь что думаю... Главное – это не форма, а содержание, а по содержанию твой Костя никакого отношения к рабочим людям не имеет. И вообще, может, с возрастом у него все это пройдет...

Новый Липочкин друг называл себя социал-демократом, ругал «жандармские порядки», царящие в России, но в конце концов Митя застал того целующимся в кустах бузины с Липой.

Так бесславно закончилась Митина любовь, но неожиданно на сцену вышла Полина – средняя из сестер Бобровых. Она была вертлявой хохотушкой, в отличие от Олимпиады как чумы боялась серьезных разговоров, ненавидела приходящего социал-демократа, дразня того «ярмарочной Петрушкой», и обожала романсы.

Опять ждали Соню, но она так и не удостоила Бобровых своим приездом...

На веранде старого дома, в котором жили Бобровы, вечно надрывался граммофон голосами известных певиц – Вяльцевой и Вари Паниной, вечерами устраивались танцы.

Еще играли в крокет на специальной площадке, в другие игры, называемые «птижё», – шарады, флирт цветов, фанты, почту... Иногда даже устраивали спектакли, для этих целей снимая у одного крестьянина ригу с овином. В риге был зрительный зал, где собирались все окрестные дачники, а в овине – сцена. Будущие гении от живописи рисовали декорации, барышни спорили из-за ролей...

Иногда устраивали вечера мелодекламации. Стихи читались с таким чувством, что у зрителей, сидевших в риге, бежали мурашки по спине и екало в животе.

Словом, свою отставку у Олимпиады Митя перенес практически безболезненно – и хохотушка Полина, и непрерывное веселье отвлекли его от грустных мыслей.

Единственное, что несколько портило настроение, – это Надя, третья сестра, которая ходила за Полиной с Митей и грозилась «донести маменьке». От нее откупались мелкими деньгами и конфетами.

К концу лета Митя даже немного устал от Полины и позволил себе небольшой флирт с барышней, жившей на окраине дачного поселка.

Словом, оглядываясь на прошлое, Митя Алиханов никак не мог назвать себя несчастным.

– Глупая старуха, – с презрением произнес он, обращаясь к Максусу, идущему рядом. – Нагородила черт знает что... Не может такого быть, чтобы у человека за всю жизнь был только один счастливый день! Вот смотри, я сейчас обернусь и посмотрю на луну через левое плечо. И еще раз, и еще... И еще!

– Да будет тебе! – отмахнулся Эрден, взглянув вперед – там, в лунном свете, уже почти рядом, шумела компания дачников. – Я сейчас попробую угадать, где тут Полина, а где Олимпиада...

* * *

Он показал пропуск охраннику и через проходную вышел в маленький дворик, выложенный брусчаткой, сквозь которую пробивалась чахлая травка.

Этому двору и этому дому было триста лет. Точнее – не дому, а дворцу, который когда-то принадлежал одному из фаворитов Петра Первого.

– Добрый день, Даниил Петрович! – кивнул ему другой охранник, уже в здании бывшего дворца, а ныне – военно-исторического архива.

– Добрый...

Здесь пахло книгами и тем особым музейным запахом, который вызывал у Михайловского трепет, – он казался сродни тому, который испытывает охотник, гоняясь за добычей. Это была его стихия, его вотчина, его заповедные владения...

– Вот, Даниил Петрович, нашла вам все то, что вы в прошлый раз заказывали! – счастливо улыбаясь, положила перед ним на стол стопку папок и книг Любочка. Любочка, работница архива, безусловно и непререкаемо уважала Михайловского – во-первых, за то, что он очень бережно обращался с документами, а во-вторых, она была одной из самых преданных его поклонниц. – Распишитесь в журнале, пожалуйста!

Михайловский тоже очень ее уважал – Любочка всегда выполняла самые сложные его заказы и была добрейшим существом. Ее даже не портили очки с толстыми линзами и маленький горб...

Михайловский расписался в каждой графе, кивнул Любочке и включил настольную лампу с зеленым абажуром.

В читальном зале с высоким сводчатым потолком, помимо него, было только двое посетителей – некий пожилой господин с меланхоличным выражением лица и толстая энергичная дама – из фирмы, подвизавшейся на составлении генеалогических древ.

Михайловский открыл первую папку, принялся осторожно переворачивать пожелтевшие страницы. «Нет, здесь я ничего не найду... Ну-ка, а тут у нас что? Ай да Любочка, ай да молодец... Нашла-таки!»

«Протоколы заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии (расшифровка стенографического отчета).

Заседание Чрезвычайной Следственной Комиссии от 21 января 1920 года.

Попов. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К.А. Попова, заместителя председателя В.П. Денике, членов Комиссии: Г.Г. Лукьянчикова и Н.А. Алексеевского для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет... Я женат формально законным браком, имею одного сына, Ростислава, в возрасте 9 лет. Жена и сын находятся во Франции.

Попов. С вами добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она – моя давнишняя хорошая знакомая... Когда я ехал сюда, она хотела разделить участь со мною.

Попов. Вы являлись Верховным правителем?

Колчак. Да, я был Верховным правителем Российского Правительства в Омске.

Попов. Теперь главный вопрос – где золото? Что вы сделали с золотом? Вопрос архиважный для нас...

Колчак. Золото принадлежит не вам.

Попов. И не вам! Послушайте, Александр Васильевич, не усугубляйте ваше положение...

Колчак. О чем вы? Хуже уже не будет. Я и так знаю, что не выйду из этих стен живым...»

Михайловский прочитал стенограмму до конца. Потом следующую – всего их было девять, но ни в одной из них он так и не нашел того, что искал.

Он закрыл папку.

Дама из генеалогической фирмы вполголоса, но очень отчетливо жаловалась Любочке на привередливость некоторых клиентов:

– ...нет, ну как будто я виновата, что в роду у них ни графьев, ни князьев нету! Что ж я, до Великого потопа должна сведения копать?! Да в те времена и бумагу еще не изобрели! Один вот недавно потребовал, чтобы я доказала, что он прямой потомок египетских фараонов... Псих! Якобы он точно об этом знает – из своих снов!.. Псих, я вам точно говорю, Любочка! Единственный плюс – платит он хорошо... А и ладно, я ему придумаю предков, позатеяливее!

Михайловский обхватил голову руками и закрыл глаза.

Потом вышел в курительную комнату, отделанную белым кафелем, сел на подоконник и затянулся сигаретой. Его бесила толстая тетка, его бесили все.

Его бесили женщины. Ну, разве что кроме Любочки и Ивы.

Ива...

Она была единственной, с кем он мог спокойно общаться. Она была нормальной, нормальной – в высшем смысле. Исключение из правил, только подтверждающее правила!

Даниил Петрович Михайловский и рад бы был смиренно любить этих странных существ, называемых женщинами, но они сами все портили. Своей глупостью и алчностью, пристрастием к мелочам и вздорными капризами, своим упрямством и неистребимым желанием повелевать. Они были до такой степени неискренни, что только огромное горе или нечаянная радость могли на время сорвать с них маску, сделать живыми и человеческими. Но все остальное время – они лицедействовали!

Да, они могли быть добрыми, но истинного милосердия в них не было. Даже сочувствуя кому-либо, они затаенно радовались тому, что в данный момент неприятности происходят не с ними. Страдая, всегда следили за тем, достаточно ли хорошо они выглядят. А в какой восторг они приходили, когда им удавалось по-настоящему уязвить кого-то...

Пустые, пустые и мелочные создания!

Их было два вида – курицы и стервы. Иногда – все вместе, и хуже этого убойного сочетания не было уже ничего!

Ива была исключением потому, что не пыталась переделать под себя весь мир, она была простой и искренней. За все эти годы она так ничего и не потребовала для себя, она была довольна всем. И самое-то главное – она не пыталась лезть к нему в душу, не пыталась быть его музой, никогда не мешала ему! Михайловский даже не классифицировал Иву, по своему обыкновению, – ибо прекрасно понимал, что Ива вне всяких классификаций, она одна такая. Даже добродушная Любочка имела изъян – при всей своей старательности она была из породы куриц...

Словом, за тридцать девять лет своей жизни Михайловский успел навидаться всякого и, казалось, мог бы ко всему привыкнуть. Но, как говорится, нет предела совершенству – не так давно он имел счастье (в кавычках) видеть некий экземпляр, чья стервозность зашкаливала все мыслимые границы.

Экземпляр звали Евой (вот она, ирония судьбы – женщина с именем нашей прародительницы!), и она была блондинкой (ха-ха!). Такого жгучего сочетания стервозности, глупости, вздорности, кокетства и наглости Михайловский еще не видел. За несколько минут их

знакомства (меньше получаса, наверное) она успела вывести его из себя, заставила трястись от ненависти и бешенства.

Позже он просил Иву ни с кем его больше не знакомить. «Ты сердишься на меня из-за Евы? Знаешь, я сама не ожидала, что она себя так поведет...» – пыталась растерянно оправдаться Ива. «Ива, я не сержусь, но ради бога – никаких автографов!»

Михайловский был настолько выбит из колеи, что несколько дней не встречался ни с Ивой, ни даже с братом – восстанавливал душевное равновесие. Похоже, брат даже обиделся...

Дело в том, что не так давно телезвезда и бывшая спортсменка Голышкина вышла замуж – миллионер Олег Отвяньбеда, владелец нескольких колбасных заводов и фабрики по изготовлению макарон, показался ей выгодной партией. Бедный Отвяньбеда: Голышкина представляла собой классический тип амбициозной дуры и расчетливой стервы! Но это уже его проблемы...

Так вот, после своего замужества Голышкина перебралась к мужу, в особняк на Рублевском шоссе, а прежнюю дачу решила продать. Дачу в июле купил брат. Вернее, двоюродный брат (по линии матери) – Толя Прахов. Все бы хорошо, но Толя поселился там со своей мамашей, мерзкой теткой, которая ни о чем другом не говорила, как только о своих болезнях. Сколько Михайловский ее помнил, тетушка Вера Ивановна непрерывно лечилась от множества самых различных и почти не совместимых с жизнью недугов. Тем не менее она умудрилась пережить своего мужа, абсолютно здорового бодрячка, и двух своих младших братьев. Разумеется, на время переселения и обустройства Толя нуждался в Михайловском, тем более что Вере Ивановне уже несколько раз вызывали в Лапутинки «Скорую»...

...Михайловский затушил сигарету и вернулся в читальный зал. Следующим документом, который он взялся изучать, были воспоминания заместителя председателя Губчека, того самого Попова. Тот вспоминал о допросе Колчака:

«Как держался он на допросах?

Держался, как военнопленный командир проигравшей кампании армии, и с этой точки зрения держался с полным достоинством. Этим он резко отличался от большинства своих министров, с которыми мне приходилось иметь дело в качестве следователя по делу колчаковского правительства...»

– Надо же, смелое признание для заместителя председателя Губчека! – усмехнувшись, пробормотал Михайловский. Но даже в этих воспоминаниях не было никакого намека на золотой запас. Несколько тонн (!!!) золотых рублей пропало тогда без следа...

Михайловский захлопнул последнюю папку. Сдал документы Любочке, спустился вниз, вышел из ворот, достал из кармана свой сотовый.

– Справочная? Будьте добры, скажите мне номер телефона какой-нибудь кукольной галереи... Да-да, той самой, где выставлены куклы. Ага, спасибо... Алло, это галерея? Девушка, милая, вы знаете такого мастера – Полякову Еву? Кто же ее не знает, ну да... А вы не дадите мне ее телефончик, я хочу приобрести одну из ее работ... Дадите? О, спасибо вам огромное...

Конечно, проще было обратиться к Иве и у нее узнать координаты Евы. Проще, но...

– Алло, – раздался в трубке знакомый, ненавистный и нежный голос.

– Алло, Ева? Ева, это Даниил Михайловский... Помнишь такого?

– Как не помнить... Что тебе, Даниил? – ничуть не удивившись, спросила Ева.

– Ты еще не передумала?

– О чем ты? – удивилась она.

– Ну как же – ты собиралась за меня замуж! – засмеялся он. – Так вот – я не против.

Зачем он все это делает, зачем говорит эти слова – Михайловский пока не знал. Он ненавидел таких, как Ева (потому что такие, как Ева, уже достаточно испоганили ему жизнь), он даже минуты лишней не желал проводить в их обществе... Но он хотел ее увидеть еще раз. Наверное, из чувства противоречия. Своего рода стокгольмский синдром...

Он ждал, что она сейчас пошлет его к черту. Нажмет на кнопку «отбоя». Скажет что-нибудь такое, чего он уж точно вынести не сможет, – и тем успокоит его. Но Ева, помолчав, изрекла следующее:

– Приезжай.

Всего одно слово. Безобидное. К нему даже не придерешься! О, боги...

– Куда? – коротко спросил Михайловский.

Она сказала адрес.

Он сел в машину. И поехал к ней, чувствуя себя человеком, который добровольно согласился заложить душу дьяволу.

...Ева открыла ему дверь – в коротких рваных джинсах, растянутой, выцветшей голубой майке, руки по локоть в чем-то испачканы.

– Привет. Заходи! Дверь только сам закрой, ладно?

Она ушла, судя по звукам – в ванную. Наверное, отмывала свои руки...

Вернулась через несколько минут. На ногах у Евы были сандалии с одной перепонкой, которые полностью открывали ее щиколотки и ступни. Маленькие круглые пальцы, серебристый лак... Наверное, в этом есть особый шик – выглядеть кое-как, при этом с безупречным педикюром.

Михайловский сначала даже обрадовался тому, что застал Еву неглиже, – вроде как есть шанс не потерять совсем голову, но потом понял, что и такой Ева хороша. Под майкой у нее ничего не было...

– Идем на кухню. Я работаю, как видишь, – буркнула она. – В комнате страшный кавардак.

– Ты работаешь? – удивился он, разглядывая ее шею сзади (волосы у Евы были сколоты на затылке пластмассовой девчоночьей заколкой).

– Ну да... А ты думал! – холодно бросила она через плечо. – Я девушка одинокая, спонсоров у меня нет... Да и не люблю я этих спонсоров! – с неожиданным злорадством зачем-то добавила она.

Откуда у него ее телефон, Ева даже не спросила.

В большой кухне помимо известных Михайловскому предметов, которые и должны присутствовать на кухне, был еще один странный агрегат.

– А это что?

– Печка, – буркнула она. Какая печка, для чего – уточнять не стала. В углу лежала куча битого фарфора, словно до того хозяйка квартиры расколотила целый сервиз. – Кофе будешь?

– Буду.

Она налила в чашки кофе, села напротив.

– Так чего ты пришел ко мне, Михайловский? О своих творческих планах хочешь рассказать?..

– Хочу предложение тебе сделать, – сказал он, чувствуя себя последним дураком.

– Правда? – улыбнулась она. – Тогда пиши расписку.

– Зачем?

– Ну а как же... Вдруг передумаешь? Я тогда на тебя в суд подам, – серьезно сказала она.

Ни слова не говоря, Михайловский выдрал из лежавшей на полке школьной тетради лист, достал из кармана шариковую ручку и принялся старательно выводить: «Я, Михайловский Даниил Петрович, обязуюсь жениться на Поляковой Еве...»

– Как твое отчество?

– Борисовна.

«...Борисовне, а если я этого не сделаю, то буду последним гадом...»

– Ты ненормальный! – недовольно воскликнула она и вырвала из-под его локтя лист. – Ну нельзя же все так буквально воспринимать!

Михайловский хотел вспылить, уйти, хлопнув дверью, но почему-то не смог. Он смотрел на Еву, и внутри у него все переворачивалось. Желание ее убить и желание любить ее – вот что он испытывал в данный момент.

– Обойдемся без расписок, – продолжила Ева, разодрав тетрадный лист в клочья. – Я тебя сразу предупреждаю – деньги мне твои не нужны, но если ты будешь жадничать и скупиться по мелочам, я тебя сразу брошу. Вообще я терпеть не могу жадин, зануд и алкоголиков. Мужчин с подобными недостатками для меня не существует!

– Теперь мои требования, – медленно произнес Михайловский. – Вернее, у меня одно только требование – чтобы ты была верна мне. И все. Больше мне ничего не надо.

– Хорошо... – не задумываясь, легко, даже как-то слишком легко согласилась она. – Я буду тебе верна. Без проблем.

Он притянул ее к себе (если быть точнее – сграбастал) и поцеловал. Когда он целовал ее, то обнаружил, что хотел этого с того самого мгновения, когда они сидели в Лапутинках в его машине – нос к носу. И во всем этом была только одна прелесть – прелесть падения в бездну. Пока летишь – еще жив, а что будет потом – лучше не думать...

Об Иве Михайловский не вспомнил – ведь то, что было с Ивой, назвать романом нельзя. Старая карга Вера Ивановна однажды назвала эти отношения связью. «Твоя связь, Данечка, с Ивой...» Продолжения этой фразы Михайловский не запомнил, поскольку меньше всего его волновало то, что о нем и его жизни думает тетка, но зато в памяти осталось это слово – связь. Пожалуй, оно наиболее точно характеризовало их с Ивой отношения...

Он прижимал Еву к себе и целовал уже куда попало – в плечи, руки, шею. Она не сопротивлялась – с какой-то холодной покорностью позволяла ему делать с ней что угодно. В полужакрытых глазах Евы поблескивала насмешка.

Но Михайловскому было уже все равно.

– Господи, Ева...

– Ну что, что?..

– Все, я пропал! – с мрачным отчаянием воскликнул Михайловский.

Ева встала, взяла его за руку и потянула за собой. Он покорно пошел за Евой, понимая, что находится в полной ее власти.

В комнате действительно царил беспорядок, но того рода, который бывает у людей, занятых работой, – повсюду разбросаны обрезки тканей, эскизы, поролон, мотки проволоки...

– А, ну да, ты же кукол делаешь! – вспомнил Михайловский. И тут, за стеклянной витриной, увидел этих самых кукол. Ива с ужасом говорила об этих созданиях, но Михайловский увидел вдруг их совершенно по-иному...

Конечно, он не особенно разбирался в этом, но куклы, которые делала Ева, были настоящими шедеврами. Михайловский испытал нечто вроде шока. Эта тонкая грань, которая разделяет ремесло и искусство... Так вот, Ева перешагнула ее.

Ее творения выглядели живыми. Безупречно-идеальными и в то же время – полными какого-то внутреннего страдания. У кукол было прошлое, была душа. В куклах была интрига! Наверное, Ева вкладывала в их создание все свои нереализованные детские фантазии и сказочные мечты.

Таинственный хрупкий народец населял этот дом, создавал эффект присутствия (с такими куклами, наверное, уже не будешь чувствовать себя одиноким!).

– Ничего себе... – севшим голосом пробормотал Михайловский, разглядывая маленьких созданий, которые, казалось, вот-вот должны были зашевелиться, заговорить. – Это все твое?

– Ага.

В этот самый момент Михайловский пропал окончательно – потому что увидел Еву не просто хорошенькой женщиной, от которой можно потерять голову, он увидел ее – творцом. Равной ему. Может быть, даже она была более талантлива в своем деле, чем он – в своем.

Из-за такой необыкновенной женщины позволительно сойти с ума и надеть глупостей. Он, Михайловский, действительно пропал...

Он снова обнял ее, вдохнул запах ее волос, провел пальцами по атласно-нежной коже щеки. Усмехнувшись, снял заколку с ее волос. «Господи, а какая она красивая... Никогда таких красивых не видел!»

Она обняла его за шею. Тихо засмеялась.

– Что?

– Ты такой смешной...

Ева была безупречна во всем. Каждая линия ее тела, каждый изгиб... Небесная, дивная гармония. Наверное, бог, когда лепил ее, знал, что из его рук выйдет само совершенство.

* * *

Ива в сумерках сгребала граблями сухие листья на аллее, ведущей к дому. «Вот и август кончается... Господи, как быстро лето промелькнуло!»

От ворот позвонили.

Ива прислонила грабли к дереву и побежала открывать.

– Даниил! – сдержанно обрадовалась она гостю. – Проходи...

Ей очень хотелось броситься ему на шею, но, как и четыре года назад, с момента их знакомства, Ива не могла побороть свою застенчивость.

– Ты из города? Хочешь что-нибудь перекусить? Я испекла твой любимый яблочный пирог...

– Нет, Ива, спасибо. Я пришел с тобой поговорить.

На Михайловском был темно-синий легкий свитер, потертые джинсы, кроссовки. «В архиве был. Если бы ездил в издательство, то надел бы костюм...» – сделала Ива умозаключение.

Они сели на веранде. Ива зажгла свет, начала торопливо протирать стол, на котором до того чистила яблоки. В этом году с яблоками проблем не было, их уродилось больше обычного...

– Да погоди ты, сядь! – Михайловский нетерпеливо схватил Иву за руку. – Тут такое дело...

– Какое? – спросила она. – Откопал что-нибудь интересное в старых документах?

– Да. То есть нет... Ива, я собираюсь жениться. Ты должна знать.

В первый момент Ива обомлела – о таком счастье она даже не мечтала, но потом у нее мурашки побежали по спине. С чего она взяла, что Михайловский собирается жениться на ней?..

– Кто она?

– Это неважно. Но ты ее знаешь. Ты, Ива, мой друг. Ты даже больше, чем друг. Пожалуйста, не осуждай меня.

– Это Ева? Это Ева, да? – стараясь держать себя в руках, спросила она.

– Да.

Короткое слово прозвучало словно приговор. «Спрошу я стул, спрошу кровать: «За что, за что терплю и бедствую?» «Отцеловал – колесовать: другую целовать», – ответствуют...» – почему-то мелькнули в голове строчки стихотворения Цветаевой.

– Почему ты мне говоришь об этом?

– Ты знаешь, почему. Я не хочу тебя обманывать, – тихо ответил он.

«О, какое благородство!..» – мелькнула у Ивы в голове ироническая мысль. Она сжала кулаки, потом быстро разжала и сказала уже почти спокойно, даже доброжелательно:

– Послушай, Даниил, тебе не кажется, что это слишком скороспелое решение? Ведь не прошло еще... В общем, вы же совсем недавно с ней познакомились! И ты решил жениться?.. Ты?

– Представь себе.

– Наверное, это была ее идея? – кусая губы, улыбнулась Ива.

– Формально – да. А теперь я уже боюсь, что она передумает.

– Разве обязательно жениться?

– Да. Я должен любым способом удержать ее. Конечно, брак – это еще не гарантия, что Ева останется со мной, но все равно...

– Ох, Даня, Даня... Ты не думаешь о том, что когда-нибудь очень пожалеешь об этом своем решении?..

– Думаю. Но мне все равно.

– Ты... ты любишь ее?

– Я не знаю. Слишком быстро все... – Михайловский потер виски. – Помнишь, ты пригласила ее к себе, сюда? Так вот, как только я увидел Еву, с первого взгляда – я почувствовал нечто странное.

– Любовь с первого взгляда? – снова усмехнулась Ива. – Да разве она существует?..

– Нет, это не любовь с первого взгляда, это было что-то другое. Я увидел Еву и понял, что это – она. Она. Что мы каким-то образом связаны, и противиться всему этому бесполезно. Будь что будет, мне все равно.

– Ох, Даня... – Ива отвернулась, боясь, что Михайловский увидит слезы в ее глазах. Но тот мрачно разглядывал деревянный стол перед собой.

– Прости меня.

– За что?

Вместо ответа он взял ее руку и поцеловал. Потом встал и быстро ушел. Когда Ива осталась одна, силы окончательно ее покинули. Ноги подкосились, и она упала на колени, уперлась лбом в деревянный настил. Все почти как тогда, четыре года назад... Он сначала подарил ей свою любовь, а потом отнял. Все как тогда... Только в этот раз он не успел ее подхватить.

Ива не знала, что может быть так больно. Она застонала сквозь стиснутые зубы, а потом перевернулась на спину и стала биться затылком об пол. Она рвала на себе волосы, потом разодрала блузку. Кажется, она кричала... Ива собой не владела – как и тогда, в первую их ночь.

Эта боль была настолько невыносима, что Ива вскочила и принялась лихорадочно искать нож, которым она чистила яблоки. Схватила его и размахнулась, целясь лезвием в то место, где, по ее расчетам, должно было быть сердце.

И только в последнее мгновение вдруг опомнилась.

– Мама, что же я делаю... – в ужасе прошептала Ива и отшвырнула от себя нож. Она побежала к телефону, чтобы позвонить матери, сняла трубку с рычага. Потом представила, что именно ей скажет мать, и решила не звонить.

Но поговорить с кем-то было надо, необходимо, чтобы кто-то все-таки выслушал ее... Кто угодно!

Ива быстро переоделась, пригладила щеткой волосы, густо напудрилась и выскочила на улицу.

Было полутемно, вдоль высоких заборов горели фонари, где-то, в одном из дворов, разливалась музыка и тянуло дымком от шашлыков. Нет, не туда...

Ива побежала вдоль своего участка, потом мимо участка Михайловского, а напротив бывшей дачи Голышкиной вдруг остановилась как вкопанная. За металлическими прутьями ограды сквозь листву было видно, что в окнах дома горит свет. В этом доме теперь жил Толя Прахов, двоюродный брат Михайловского. С этим Толей Ива всего пару раз успела перегово-

ритель, она почти не знала этого человека – Михайловский до переезда Прахова их с Ивой не знакомил, но сейчас увидела в нем свое спасение. Уж он-то ее точно выслушает!

Она нажала на кнопку звонка.

– Кто там? – спросил ее мягкий голос по переговорному устройству.

– Толя, это я... Это Ива Туракина, твоя соседка!

– Ива? Проходи...

Загудел зуммер, открывая калитку. Ива побежала по аллее к дому. На крыльце уже стоял Толя Прахов – в клетчатом шерстяном жилете на меху, отороченных мехом войлочных туфлях.

– Скорее в дом... такие ночи холодные стали! – пожаловался он. – Что случилось-то? Коньячка, может быть?..

В доме у Праховых было тепло, горел камин, на обшитых деревом стенах играли красные сполохи. Толя достал из бара большой резной флакон из хрусталя, плеснул его содержимое в стакан.

Ива выпила, даже не почувствовав вкуса коньяка.

Толя Прахов серьезно смотрел на нее голубыми глазами, светлые выющиеся волосы стояли торчком над лысеющим лбом, точно пружинки.

– Он меня бросил, Толя! – пожаловалась Ива почти незнакомому человеку.

– Кто – «он»? – опешил тот.

– Твой брат.

– Данька, что ли? О, господи... – Толя обнял Иву за плечи, усадил на широкий диван. – А я смотрю, что это – на тебе лица совсем нет...

– Ты прости, что я ворвалась... но я уже нож взяла... и мне так страшно стало...

– Ничего-ничего! – Он похлопал ее по плечам. – Все в порядке. Данька скотина, я это знал.

– Нет, он все честно... Он не хотел меня обманывать... – торопливо, то и дело сбиваясь, бормотала Ива, а потом, точно на духу, все рассказала Толе Прахову – как они познакомились с Даниилом, какие отношения между ними были и кто такая Ева Полякова.

Толя выслушал ее внимательно, не перебивая, описание внешности и манер Евы вызвало у него особый интерес.

– Так она самая настоящая стерва, вот оно что! – неожиданно воскликнул он. – Взяла и подмяла под себя нашего дурака...

– Да! – Ева допила коньяк, и ей неожиданно стало легче. – Самая настоящая стерва... Но мне-то что делать?

– Ничего. Он уже два раза выбирал себе таких вот и в третий раз не стал делать исключений. Ты, Ива, подожди немного – скоро он и от Евы сбежит. Вернее, она его бросит. Его бросали все его жены – что первая, что вторая...

– Дело не в этом! Почему он выбрал не меня? Все эти годы твердил, что брак – это не для него, что он не хочет себя ни с кем связывать... А потом взял и в одну секунду превратился в ее раба!

Толя пожал плечами. Потом сказал, глядя в камин:

– Мой брат – равнодушный, холодный, бездарный болван. Я очень рад, что могу это сейчас сказать... Но, умоляю, не передавай ему этого.

– Нет, конечно! – с трудом улыбнулась Ива. – А тебе он чем насолил?

– Чем? Да как сказать... Денег он у меня не крал, на жизнь мою не покушался – это факт. Зато сколько мелких пакостей мы с матерью от него видели – не счесть... Он эгоист, у него чрезмерно раздуто самомнение. Вот ты думаешь, почему он интервью никому не дает, на телевидении не хочет светиться...

– Почему?

– Да вовсе не из скромности! Просто он считает себя выше людей. Он, великий Даниил Михайловский... Зачем ему метать бисер перед свиньями – вот как он считает!

Ива снова улыбнулась. Странно, но ей совсем не было стыдно перед Праховым за свой ночной визит, за свою исповедь – ей, всегда боявшейся того, что люди подумают о ней плохо. Она пришла к нужному человеку, в нужное время!

– Толя, а кто ты по профессии?

– О, Даниил даже не счел нужным рассказать тебе обо мне... Мы, Ива, с ним братья, но двоюродные – поэтому и интересуемся одним и тем же предметом.

– Не поняла.

– Я антиквар. Ценитель старинных вещей, – мягко произнес Толя Прахов. – По сути, меня интересует История, но с другого хода, если можно так выразиться...

– Ах, вот оно что! Теперь ясно.

– Многие хотят разгадать тайну прошлого, но не знают – как... Даниил строит всякие предположения, роется в архивах, придумывает то, чего не было, ищет в событиях прошлого некий сюжет. Публика в восторге – ах, как это интересно!.. И уже неважно, так оно все было или нет... А я пытаюсь прикоснуться к тайне своими руками – буквально!

Прахов снял с полки миниатюрную статуэтку девушки.

– Танагр. Чудесная вещь... Храню для себя, никогда не продам.

Ива не знала, что такое «танагр» – то ли имя скульптора, то ли еще что – но тем не менее завороченно кивнула.

– Кстати сказать, мой любезный братец не собирался сообщать мне, что Голышкина продает эту дачу – хотя знал, что я давно ищу домик в Подмосковье. У мамы очень слабое здоровье...

– Откуда же ты узнал о даче?

– Узнал совершенно случайно, Данька палец о палец не ударил, чтобы нам помочь. И с переездом тоже не особенно помогал. Я, честно говоря, надеялся, что он за мамой будет присматривать – в мое отсутствие. Да какое там! – махнул рукой Прахов.

Ива с удивлением глядела на него.

– Надо же... Я и не знала! Послушай, Толя, Вера Ивановна, если что, может обращаться ко мне. Пусть звонит мне – телефоны, слава богу, у всех есть...

– Хорошо. Спасибо, Ива.

В это время в коридоре раздались тяжелые шаркающие шаги, и в комнату вошла Вера Ивановна, мать Толи.

– А, Ивушка... добрый вечер! – задыхаясь, сказала она. – А я голоса слышу – думаю, кто к нам пришел?... Астма замучила. Толя, ты мой ингалятор не видел?

– Сейчас, мам...

Вера Ивановна старухой не выглядела, да и лет ей, судя по всему, было не так уж много – вряд ли больше шестидесяти. Кожа лица была гладкой, ровной, волосы светлыми и пушистыми (в таких волосах седина незаметна)... Правда, Вера Ивановна была грузна, а глаза – чуть навывкате – делали ее лицо немного отталкивающим. И эта вечная одышка...

– Утром давление мерила, – сказала она, пристально глядя на Иву. – Двести на сто двадцать.

– Ой, да что вы! – перепугалась та. – Вера Ивановна, а врача вызывали?

– Какое там... Скорей бы отмучиться! Спасибо, Толик. – Мать приняла из рук сына ингалятор. – Ну все, я спать пошла... Спокойной ночи, Ивушка!

Когда Вера Ивановна ушла, Толик снова сел рядом с Ивой на диван.

– Послушай, Ива... А эта самая Ева – она знает, что у тебя с Даниилом... Что у вас с Даниилом были отношения?

– Нет. Ну разве что если он ей не сказал...

– Вряд ли. Данька – не любитель рассказывать о своем прошлом.
– Ты считаешь, надо открыть Еве глаза?
– Ничего не надо. – Толя заложил руки за голову и откинулся назад. – Пусть живут, как хотят... Черт с ними! Если бы не мать, я бы ни за что сюда не переехал. Да, пожалуйста, опиши еще раз эту самую Еву...

* * *

– ...А-уу! – волчьим голосом зарычал Митя из-за кустов.
Барышни, столпившиеся у реки, немедленно завизжали, схватившись за руки, лица сопровождавших их кавалеров медленно вытянулись – вся эта сцена очень хорошо наблюдалась в ясном свете луны.
– Это Митя Алиханов! – вдруг властным, сердитым голосом крикнула Олимпиада. – Митя, глупый мальчишка, вы ужасно нас напугали!
Митя с Эрденем вышли на освещенное место.
– Совсем не смешно... – презрительно ленивым голосом протянул «социал-демократ» Костя. – Алиханов, вы бы придумали чего получше.
– А я испугалась! Честное слово, я прямо поверила, что это к нам настоящие волки подкрались! – захохотала Полина. Она висела на руке у какого-то долговязого субъекта в полосатом костюме и шляпе-канотье. Митя почувствовал укол ревности. «А чего я хотел? Глупо ждать верности от ветреной Поленьки...»
– Я тоже очень испугалась! – пискнула еще одна девица.
Толпа разом зашумела, все задвигались, засмеялись.
– Алиханов, вы из какого болота вылезли? – дерзко спросила Наденька. За год она выросла и очень похорошела. Митя почувствовал новый укол в сердце, на этот раз совсем иного свойства...
– Вы угадали, Наденька, буквально из болота... Мы с товарищем были на охоте. Господа, позвольте вам представить Макса Эрдена, он тоже юнкер Александровского училища.
Пока знакомились, Митя пробежал глазами по лицам – все словно стали серьезнее, взрослее, раскованней.
– А что вы здесь делаете в столь поздний час? – спросил Эрден бархатным, мужественным голосом, любезно и вместе с тем сдержанно улыбаясь, – присутствие энного количества барышень моментально мобилизовало его.
– Мы решили прокатиться на лодке, в лунном свете, – вздохнула Полина, принялась объяснять. – Мама едва согласилась отпустить нас... Но это так романтично!
– Правда, тут же выяснились некоторые проблемы... – выступая вперед, пробасил Лужин, хорошо знакомый Мите.
– Какие же?
– Лодка-то одна! – с досадой воскликнул кавалер Полины, указывая на деревянные мостки, уходящие в воду. Возле них лениво покачивалась с боку на бок короткая пузатая лодка. – А нас вон сколько...
– Предлагаю бросить жребий, – сказал Макс.
– Отличная идея... А вы с нами? – возбужденно произнесла Наденька. – Суровцев, давайте сюда шляпу! Разыграем два билета – для *него* и для *нее*, совершенно произвольно... У меня как раз фанты остались – кому достанутся красные, те и выиграли!
Кавалер Полины протянул канотье.
Все происходило стремительно, в каком-то бешеном темпе, и привело Митю в азарт – он теперь лихорадочно мечтал о том, чтобы плыть вместе пришлось ему и Наде.
– Прошу, тяните... Теперь вы... Митя, ваша очередь...

Митя запустил руку в шляпу и вытянул красный фант.

– Алиханов, вам чертовски везет! Так, теперь барышни...

Митя был абсолютно уверен в том, что жребий выпадет Наде.

– Эрден, голубчик, поручаю тебе свое ружье, – обернулся он к товарищу.

И в этот момент в толпе возбужденно зашумели:

– Соня, Соня, тебе ехать, ты выиграла!

«Какая еще Соня?» – недоуменно, с досадой подумал Митя. Толпа расступилась, и он увидел высокую, очень тоненькую девушку в светлом платье, с темной косой, перекинутой на грудь. Она держала в длинных тонких пальцах красный фант.

– Сонечка, прости, что забыли тебя представить... Это Сонечка, наша двоюродная сестра. А это мисс Рита Вернель, гувернантка Сони. Мисс Вернель, вы не против, если вашу воспитанницу на некоторое время похитят? – закричала Надя, обращаясь к стоявшей в стороне маленькой сухопарой женщине лет тридцати с копной пушистых, блестящих, словно нимб, рыжевато-золотистых волос. – Она ни слова по-русски не понимает... – уже тише пояснила Надя.

– Надя, мисс Вернель не говорит по-русски, но она вовсе не глухая! – укорила ее Соня мягким, без всяких интонаций, голосом.

Мисс Вернель залопотала что-то на английском.

Митя испытывал противоречивые чувства: с одной стороны, он мечтал совсем о другой спутнице, но отказаться от прогулки сейчас было бы невежливо. С другой стороны, Соню он толком разглядеть не успел, и она вызывала интерес – такая хрупкая, беззащитная... Наверняка она была очень смиренной, «правильной» девицей, раз Анна Леонидовна все время ставила ее в пример своим дочерям.

– Прошу... – Митя протянул ей руку, и они с Соней пошли по деревянным мосткам к лодке.

Компания сзади шумела и веселилась, и голос Макса Эрдена уверенно вплетался в другие голоса. Тот, судя по всему, пытался общаться с мисс Вернель. К сожалению, в Красных казармах преподавали немецкий и французский...

Митя помог барышне сесть в лодку, взялся за весла. Через некоторое время они были уже далеко от берега, за бортом, в черной воде, дрожала яркая луна. Молчание казалось неловким – Митя, как кавалер, обязан был развлекать свою спутницу беседой, но он чувствовал себя несколько растерянно.

– Вы учитесь, Соня? – наконец спросил он, пытаясь припомнить, что рассказывали Бобровы о своей родственнице.

– Да, – тут же ответила она своим мягким, без интонаций, голосом. – В частной гимназии. Закончила шестой класс².

Они снова замолчали – стало слышно, как у другого берега, в зарослях камыша, надрываются лягушки.

Соня опустила руку, зачерпнула воды. Когда она наклонила голову, Митя обнаружил, что у нее длинная шея и маленькие, чуть оттопыренные уши. Красива была Соня или нет? Митя пока не мог понять. И этот тихий невыразительный голос...

– А в какой именно гимназии?

– Которая принадлежит Каретиной... Находится на Воздвиженке. Отец настоял, чтобы меня отдали именно туда. Там исключительный состав преподавателей и расширенная почти до объема мужских гимназий программа, – явно передразнивая кого-то, скорее всего – именно отца, назидательно произнесла она.

---

² Полный курс обучения в гимназии до революции – 7 лет.

Митя засмеялся, и Соня – тоже. Когда она улыбалась, то становилось понятно, что у нее слишком большой рот. «Некрасива... – разочарованно решил Митя. – Слишком высокая, слишком тонкая, слишком несоразмерная какая-то, слишком невыразительная...»

Но тем не менее он во все глаза продолжал смотреть на нее.

– А читать что любите?

– Да все подряд... Кроме Чарской. У нас в гимназии Лидию Чарскую запоем читают, а я эту Чарскую ненавижу, – охотно пояснила Соня.

– Наверное, Северянина любите? «Королева играла – в башне замка – Шопена, и, внимая Шопену, полюбил ее паж...» Или ваш кумир – Ахматова? «Слава тебе, безысходная боль! Умер вчера сероглазый король...»

Митя хотел убедиться, что барышня, ко всему прочему, еще глупа и сентиментальна (вышеназванные авторы считались модными салонными кумирами, слишком модными и салонными, чтобы ими увлекались серьезные люди), но Соня пожала плечами.

– Я Блока люблю. Александра Блока. Слышали про такого?

– К стыду своему – нет... А что, хороший писатель? – с любопытством спросил Митя.

– Поэт. «Ты и во сне необычайна. Твоей одежды не коснусь. Дремлю – и за дремотой тайна, и в тайне – ты почиешь, Русь...» – процитировала она.

– М-да, неплохо... – пробормотал он, пока еще не понимая, хороши ли услышанные стихи или их тоже можно причислить к высокопарным салонным виршам. – А что, мисс Вернель не слишком вас притесняет, Сонечка?

– Нет, нисколько. Она скорее моя компаньонка, нежели гувернантка, – серьезно ответила Соня. – Все находят очень удачным подсмеиваться над ней, поскольку мисс Вернель не знает русского, но это жестоко и несправедливо. Она замечательная, очень порядочная женщина, уж поверьте мне!

– А я и не думал нападать на мисс Вернель, – улыбнулся Митя – его растрогала та горячность, с которой Соня защищала англичанку.

Она наклонилась, выбросила ветку, лежавшую у нее под ногами и мешавшую ей.

– Что за духи такие у вас? – с интересом спросил Митя.

От Сони едва слышно пахло чем-то тонким, очень нежным.

– Самые обычные... «Виолетт-де-парм». Но я ими почти не пользуюсь – запрещено. Не дай бог прийти в гимназию надушенной – мигом вызовут отца! Это сейчас мисс Вернель дает мне поблажку... У мамы есть «Коти», «Убиган». А еще сейчас в моду вошли французские эссенции. Например, ландышевая... Маленький пузырек заключен в деревянный футлярчик. К притертой пробке прикреплен стеклянный пестик, с которого капает одну-две капли на волосы или платье. Аромат сохраняется долго, причем полная иллюзия натурального ландыша. Единственный недостаток, что стоят эти эссенции очень дорого – десять рублей за флакон...

Митя со снисходительной улыбкой слушал ее болтовню. «Она забавная... И, кажется, очень славная девушка. Я бы влюбился в нее, будь она хоть чуть-чуть красивее».

– Господи, Митя, что мы с вами делаем! – вдруг с ужасом закричала Соня. – Этак мы и к утру не вернемся... Немедленно гребите обратно!

В самом деле, они отплыли довольно далеко. Темный, черный лес уже тянулся вдоль берега, и если бы не луна, то впечатление было бы действительно жутковатое.

– Страшно?

– Да, – тихо сказала Соня.

Митя стал энергично гребсти назад. Он теперь, не отрываясь, смотрел на тонкие, длинные Сонины руки, которые та сложила на коленях. Узкие ладони, длинные пальцы. И вдруг представил, как она прикасается к его лицу этими пальцами – осторожное, почти невесомое прикосновение, больше напоминающее дуновение ветра.

Он затряс головой, отгоняя от себя наваждение.

– Что с вами, Митя?

– Так, ничего... А кто ваш отец, Сонечка?

– Как, разве вы не знаете?... – искренне удивилась она. – Петр Глебович Венедиктов. Он доктор, его вся Москва знает! Женский доктор... – добавила она чуть смущенно.

– Ах, Венедиктов! – пробормотал Митя. – В самом деле...

О Венедиктове знали все – даже те, кто в его услугах не нуждался по определению. Он был очень богат и удачлив – не отказывался даже от самых сложных случаев, за которые другие доктора не брались. Не так давно жена французского посла не могла разродиться первенцем, и все махнули рукой – безнадежно. Приехал Венедиктов, спас мать и младенца. Посол рыдал, а после заплатил Венедиктову – такую сумму, которую все произносили не иначе как шепотом.

Сонечка Венедиктова не была парой бедному юнкеру, это очевидно.

...Вот уже у деревянных мостков весело зашумела компания, приветствуя возвращение лодки, что-то звонко крикнула по-английски мисс Вернелль...

– Придете к нам завтра, Митя? – вдруг сказала Соня. – Я не хозяйка тут, но беру на себя смелость пригласить вас вместе с товарищем. Правда, приходите!

– Хорошо, – сухо ответил он. «Господи, и чего я так скис! – с ненавистью к самому себе подумал он. – Будто свататься к ней собирался... Да и не нравится она мне вовсе!»

Уже в полной темноте они с Эрденем возвращались на дачу к Нине.

– Ты везунчик, Алиханов! – весело произнес Макс. – С корабля сразу на бал... Определенно мне тут нравится. Я бы приударил за всеми сестрами Бобровыми сразу.

– Отстань... – вяло отмахнулся Митя. Только сейчас он почувствовал, что страшно устал. И Соня не шла из головы. – Эрден! – вдруг шепотом закричал он, остановившись, точно вкопанный.

– Что?

– Это ужасно... «Виолетт-де-парм»!

– Ну и что? При чем тут виолетт-де-парм? – с недоумением спросил товарищ.

– «Виолетт-де-парм» – это «пармская фиалка». Фиалка! От Сонечки пахло этими духами! А давешняя старуха сказала...

– Брось, Алиханов, – зевнул Эрден. – Сам же говорил, что не веришь во всю эту ерунду.

* * *

– Как ты относишься к белому платью и фате? – деловито спросила Ева, листая журнал. Она сидела на кожаном диване в кабинете Михайловского в Лапутинках, а жених ее расположился у окна, за большим полированным столом. Даниил Михайловский пытался работать.

– Положительно, – ответил он рассеянно, глядя на экран компьютера.

– Значит, традиционный наряд невесты не вызовет у тебя отторжения! – с удовольствием заключила Ева. – А то я, знаешь ли, несколько старомодна, и вообще эта свадьба, к твоему сведению, – первая в моей жизни.

– Ты можешь делать что угодно, Ева. Хотя во что оденюсь – я ни слова тебе не скажу...

– Ты очень добр, спасибо, – усмехнулась она. Потом отбросила от себя журнал и растянулась на диване. Житье на даче ей пока нравилось. И Михайловский ей тоже нравился. Не то чтобы она его любила – за те несколько недель, что они были знакомы, полюбить не успеешь, но он определенно ее волновал. В положительном смысле.

Вот и теперь она смотрела на него – пристально, изучающе, с удовольствием. Так обычно разглядывают удачную покупку.

У известного беллетриста были широкие, довольно густые брови. Волосы Михайловский так и не постриг – но это только потому, что Ева еще не настояла на этом. Так и ходил лох-

матым, обросшим. Бледное, мрачноватое лицо, губы всегда сжаты – то ли сурово, то ли страдальчески. Очень мужественное, выразительное лицо.

Ева опустила глаза и принялась разглядывать его ноги под столом. Всем видам обуви Даниил Петрович предпочитал сандалии, которые носил без носков, как и полагалось их носить. Даже сейчас, в начале сентября, когда по утрам было очень прохладно, он не изменил этой привычке. Сандалии и бриджи. Поистине морозостойкий товарищ!

Ступни у него были широкими, крестьянскими. Икры, покрытые рыжеватыми волосками, – тоже. Ширококостный, основательный Михайловский не имел ничего общего с Яриком, давней Евиной мечтой, но оно было и лучше, что в ее женихе не оказалось ничего общего с изящным принцем ее юности...

– Даниил, что за фотография стоит у тебя на столе? – лениво спросила Ева. – Вон та, слева! Давно хотела узнать... Это ты в детстве, да?

– Нет. Это мой сын.

– Сын?! – поразила Ева. – Ты мне ничего не говорил о своем сыне!

– Ты не спрашивала – вот я и не говорил, – спокойно ответил тот, не отрывая взгляда от экрана.

– И долго ты от меня собирался это скрывать?

– Нет, я не собирался от тебя ничего скрывать. Вот ты спросила – и я ответил. Это мой сын Сережа.

Ева хотела было рассердиться, но потом решила – а зачем? Если у Михайловского такой характер, то не имеет смысла злиться на него... Просто ее задача теперь – вовремя задать нужный вопрос. Она помолчала немного, а потом спросила с любопытством:

– Даня, а сколько ему лет?

– Сейчас – четырнадцать. Он живет с матерью в Америке.

– С ума сойти... Ты, наверное, скучаешь по нему?

– Очень, – серьезно ответил Михайловский и наконец оторвал свой взгляд от экрана. – Мы переписываемся с ним по Интернету.

– Как же ты отпустил его?..

– Я не хотел его отпускать, – мрачно признался Михайловский. – Но Катерина, она...

– Катерина – так зовут твою первую жену?

– Да. В общем, она и ее новый муж, Ричард... Да не хочу я о ней говорить! – с раздражением воскликнул он.

«Не хочешь – не надо, – смиренно подумала Ева. – Тем более что эта Катя в Америке... Катя не должна меня волновать».

– Ты бы хотел, чтобы Сережа вернулся к тебе? – сменила Ева тему. О сыне Михайловский говорил более охотно.

– Да. Я надеюсь, что после своего совершеннолетия (когда станет, наконец, совершенно свободным человеком) он вернется ко мне. Ты не будешь возражать? То есть даже если ты будешь возражать...

– Я не буду возражать, – важно сказала Ева. Подумала и добавила: – Дети – это святое.

– Спасибо! – неожиданно улыбнулся Михайловский.

Они снова занялись каждый своим: Ева углубилась в чтение журнала, Михайловский продолжил печатать на компьютере.

– Даня...

– Что? – рассеянно отозвался тот.

– Расскажи мне и о второй жене – хотя бы в двух словах. Это важно. Расскажи сейчас – и все, больше я тебя о твоих женах не буду спрашивать.

– О нет... – застонал Михайловский и потер ладонью лоб. – Это невозможно!

«Так, и со второй женой у него были большие проблемы...»

– Ладно, я расскажу... – с ненавистью пробормотал Михайловский. – Лиза, она... Словом, она та еще дрянь. Наставила мне рога, а потом сбежала к своему любовнику. Да и еще отсудила у меня все, чем я владел на тот момент.

– Все? – удивилась Ева. – Я думаю, больше половины она не могла требовать...

– Все! Ну, не только отсудила, а еще и отняла – самым бесцеремонным образом... Одно утешает – этого своего, второго, она тоже обобрала до нитки. Но дело не в деньгах... – с трудом продолжил Михайловский. – Деньги – дело наживное, тем более что я нищим под забором не валялся, с голоду не помирал... Дело в другом. Как именно она уходила от меня, какие слова говорила, с каким злорадством смеялась... Не женщина, а демон.

«С Лизой все ясно, – сделала умозаключение Ева. – Лиза тоже мне ничем не угрожает!»

– А ты не боишься, Даниил, в третий раз ошибиться? – строго спросила она. – Я ведь могу оказаться похлеще, чем твои Катя с Лизой, вместе взятые!

– Ты мне угрожаешь? – засмеялся он.

– Да. У меня скверный характер – я тебя уже предупреждала. – Ева с чувством глубокого удовлетворения принялась разглядывать свои ногти.

Михайловский вышел из-за стола и сел рядом с ней.

– У тебя скверный характер, но ты хороший человек, я это знаю. Мне очень импонирует твоя прямота, – серьезно сказал он. – Ты – настоящая.

– Да откуда ты знаешь...

– Знаю, и все! – перебил он и принялся целовать ее. – Молчи. И вообще, таким красивым прощается все! Ну, почти все...

– Я красивая?

– Очень. Очень-очень. Ты само совершенство. Я пытался найти в тебе хоть один недостаток – и не нашел...

Он целовал ее руки, ноги, уткнулся в живот.

– Ой, щекотно! – засмеялась она.

– Ты лучше всех. И я все время думаю о тебе. Мне надо о работе думать, а я все думаю, думаю о тебе...

– Щекотно!..

Хохоча, они возились на диване.

– Зато ты у нас – самый умный, – шепотом сказала Ева. – Вон у тебя головушка какая большая... – Она потрепала его по голове. – Да, пока не забыла – срочно сходи в парикмахерскую и постригись. А то ходишь, как пещерный человек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.